

Настя Орлова
Катя Саммер

18+

На грани
фола

**Катя Саммер
Настя Орлова
На грани фола**
Серия «Всегда побеждает
любовь. Проза Насти Орловой»

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69759130*

*На грани фола: Эксмо; М.; 2023
ISBN 978-5-04-192953-4*

Аннотация

Романтические истории Насти Орловой такие чувственные и увлекательные, что задевают за живое, заставляя сопереживать героям и радоваться за них, как за своих давних знакомых. А новая книга в соавторстве с Катей Саммер обязательно покорит ваши сердца, потому что горячая история любви мажора и хорошей девочки никого не оставит равнодушным!

Арсений Громов – звезда баскетбола, мажор и красавчик, который привык всегда получать желаемое. И именно его вот уже несколько раз кинула обычная второкурсница Виктория Огнева.

Поймать, наказать и тут же забыть – такой план.

Но исполнить его не удастся, слишком соблазнительной оказывается строптивая девчонка. И вот уже Громов сам

готов исполнять желания Вики, даже не заметив, как быстро изменились правила игры.

Когда ты слишком уверен в победе, есть риск, что ты просто недооценил, с кем имеешь дело.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	15
Глава 3	22
Глава 4	29
Глава 5	35
Глава 6	43
Глава 7	48
Глава 8	53
Глава 9	61
Глава 10	68
Глава 11	74
Глава 12	89
Конец ознакомительного фрагмента.	95

**Настя Орлова,
Катя Саммер
На грани фола**

© Орлова Н., Саммер К., текст, 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Глава 1

Тори

– Ты опять опаздываешь, Тори, – поправляя круглые очки на переносице, сообщает Веня нравоучительным тоном, как будто я не в курсе. – Знаешь же, что Филатов нас не пустит, если заявимся после звонка.

– Успеем добежать, зануда! – Я посылаю другу самую ослепительную улыбку из своего арсенала и беру его под локоть. – Из общаги вышла вовремя, честное слово, но возле подъезда опять тот котенок черно-белый ошивался, пришлось забежать в магазин сосиску ему купить. Надеюсь, девочки пристроят его, такой он милый.

– Ну вот! Из-за паршивого кота мы с тобой заработаем прогул у самого сволочного препода в универе! Где справедливость в этом мире?

Веня демонстративно пучит глаза и тянет меня к центральному входу, но войти внутрь мы не успеваем. Дорогу нам преграждает буйная компашка во главе с Арсением Грозовым. Сам он предпочитает, чтобы его величали Громом (даже в мыслях!), но в гробу я видала таких Зевсов. В моем представлении он типичный мажор в брендовых шмотках, повсюду гоняющий с толпой от мороженных придурков.

Мы вместе учимся на втором курсе, только я на педагогическом факультете, Веня изучает прикладную информатику,

а мажоры – IT-технологии и гейм-дизайн. Понятия не имею за что, но они невзлюбили моего друга с первой недели сентября. Я пыталась выбить у Вени признание, в каком месте он умудрился перейти дорогу этой шайке, но тот молчит как партизан, из чего я делаю вывод, что там или что-то действительно серьезное, или какая-нибудь ерунда, в которой ему просто стыдно признаться.

– Так-так, и куда это несется парочка «Твикс»? – с издевкой тянет Быков, один из прихвостней Громова, амбал с плоским лицом, явно не обремененный интеллектом.

Мы с Веней синхронно делаем вид, что не заметили провокации, и пытаемся обойти парней справа, но те зеркалят наше движение и перекрывают нам путь в универ.

– Мы спешим на пару, – бросаю я недовольно и крепче стискиваю локоть Вени. – Простым смертным приходится учиться и закрывать сессию с помощью знаний, а не денег папочки.

– У-у-у, – раздается предупреждающий гул. – Ты, сука, на кого свой рот сейчас открыла?

Глаза плосколицего наливаются кровью, как у самого настоящего быка при виде размахивающего красной тряпкой тоreadора.

– Не надо говорить с Тори в таком тоне! – вмешивается на свою голову Веня. – Зачем оскорблять девушку, только потому...

Закончить он не успевает. Быков хватает его за плечо и

впечатывает в стену с такой силой, что с Вени слетают очки. А после на них, сменяя оправу и стекла, наступает второй громовский дружок, Руслан Платонов. Раньше он мне казался самым адекватным из троицы, но в этом году как с цепи сорвался. Отрастил шевелюру, набил татуировку и, кажется, собирается побить рекорд Громова – пройтись вообще по всем девчонкам в универе. По крайней мере, со стороны это выглядит именно так.

– Ты! – задыхаюсь от возмущения и дергаюсь в сторону Быкова, чтобы прийти на помощь Вене, но на мое плечо тут же опускается горячая ладонь Громова.

– Не лезь, – говорит он так спокойно, словно не видит, как отморозок из своры его псов калечит моего друга.

Рассчитывая испепелить взглядом, я потрясенно смотрю на его загоревшую в Испании руку (ну а кто в универе не подписан на страницу Громова, где он светит полуголыми селфи?). Жаль, выходит не очень. Тогда я изо всех сил дергаю плечом и бросаюсь к Вене, на ходу подхватывая с земли вдребезги разбитые очки.

– Отвали! – рычу я на Платонова, когда тот пытается преградить мне путь.

– Ты посмотри, какая дерзкая! – Ехидно улыбнувшись, он качает головой и, пока я помогаю Вене сесть и собрать выпавшие из рюкзака конспекты, светит ямочками на щеках, которые с его паршивой натурой сочетаются плохо.

– Ты как? – спрашиваю я Веню.

– Жить буду, – храбрится он, но я чувствую, что Веня не меньше моего ошарашен подобной формой агрессии.

– И не стремно тебе прятаться за юбкой? – подает голос сам Громовержец, обращаясь к моему другу.

– Оставь его в покое, придурок! – бросаю я и бесстрашно смотрю ему прямо в лицо.

Наверное, сейчас я впервые осознаю, почему на него западают девчонки. Арсений Громов просто до тошноты идеальный. Он высокий, я бы даже сказала очень, явно на две головы выше меня, а я ведь тоже далеко не Дюймовочка. У него красивые рельефные плечи, широкая грудная клетка и большие кисти рук с длинными пальцами и аккуратно подстриженными ногтями – без шуток, у меня пунтик на эту тему, а его кисти выглядят так, словно парень в свободное время развлекается игрой на арфе. Ну то есть все очень красиво. Выгоревшие на солнце волосы зачесаны назад, верхние пуговицы льняной рубашки расстегнуты, с шеи свисает странный кулон, а на ногах вместо модных кед чертовы лоферы, будто он учится в Гарварде, а не в РУФИ, где ботаники вроде нас с Веней изучают физику и информатику. Если подумать, Громов напоминает мне типичного Кена – такой же смазливый и пустоголовый, как пластиковая кукла. За этой оберткой точно нет ни сердца, ни души. Так несправедливо, что подобному мерзкому типу достались такие идеальные руки!

– Что ты сказала? – Он демонстративно щурит глаза и кривит губы, за один миг превращаясь из милашки в хищ-

ного зверя. Еще и скалится – не зря он бессменный предводитель этих псов.

– Тебе голову мячиком отбили, что ты простых слов не понимаешь? – Ах да, забыла сказать, что Громов у нас – звезда баскетбола.

Он в два размашистых шага сокращает расстояние между нами и сжимает своей аристократичной клешней мои щеки.

– Я вот думаю, ты бессмертная, что ли?

– Это же ты у нас Севс, я тут при сём? – выдавливаю сквозь губы, сложенные трубочкой.

Секунда, две, три немой перестрелки взглядами, а потом Громов отпускает меня и, согнувшись пополам, оглушает всю округу раскатистым хохотом.

– Ладно, ты смешная, живи пока, – заявляет он, не переставая широко улыбаться, и заглядывает мне через плечо: – А вот твой очкарик...

– Не трогай... – Мой голос срывается, так что приходится прочистить горло, чтобы снова звучать решительно и смело. – Его.

Телохранители на заднем плане дружно издают свистящие звуки. Для того чтобы генерировать полные предложения, у них, видимо, извилин не хватает в черепной коробке. Но мне пофиг, для меня они не более чем белый шум. Другое дело – сам Громов. Цепкий взгляд зеленых глаз отравляет, словно ядовитый плющ, но я, призвав на помощь все самообладание, стойко выдерживаю его и мысленно считаю

до десяти.

Бровь парня изгибается домиком, правый уголок рта ползет вверх.

– А что мне за это будет? – звучит с издевкой и так приторно, что у меня сводит скулы.

– Судьба сжалится над тобой, и ты перестанешь быть таким придурком.

– Тебя давно не трахали или ты по жизни самодовольная сука? – не остается в долгу Громов.

– Тори, забей, я... – бормочет за спиной слепой, как крот, Веня. Без очков геройствовать ему не по зубам, поэтому я за него.

– Саня, Рус, нашему умнику пора искупаться в фонтане. Будет знать, как лезть к чужим девушкам с такой рожей.

Я будто в замедленной съемке вижу, как эти двое распрямляют плечи и сжимают кулаки, а в мыслях уже представляю Веню, который, как «Титаник», идет ко дну. Почему сразу ко дну? Да потому что мой друг никогда не умел плавать!

– Нет-нет, – срываюсь и подлетаю к Громову. Тех бизонов не остановить, поэтому я импровизирую. – Нет! – Я толкаю его в грудь, но он продолжает стоять на месте. От него приятно пахнет кофе и немного дорогим одеколоном, но в остальном он бесит меня от макушки до пят. – Говорю тебе в последний раз – не трогайте его! – И я очень хочу, чтобы мой голос звучал грозно и уверенно, но, по-моему, больше

похоже на то, что я умоляю.

– А что ты готова сделать ради этого? – Свистящий шепот пробирает до костей, желудок судорожно сокращается, как подумаю, что он и я...

– Фу! Да я лучше мучительно умру в дьявольских силках, чем лягу с тобой в постель.

Громов морщит нос, будто чем-то дурно запахло.

– Это что-то на задротском? – Он кивает мне за спину, и я боковым зрением вижу, как его дружки замирают. – Лягу в постель... – Он опять смеется. – Тебе сколько лет, семь? И неужели ты думаешь, мне есть дело до твоей огромной задницы? Спустишься с небес на землю, пучеглазая!

– Ауч, – говорю без лишних эмоций, – бодишейминг? Серьезно? Какие у тебя еще скрытые таланты? Бьешь детей? Топишь котят?

– Короче, – Громов резко тянет меня за воротник блузки, торчащей из-под объемного свитера, которые я обычно ношу в комплекте с широкими джинсами, – хочешь выслужиться за проколы своего парнишки – валяй. Мне девчонка на побегушках не помешает.

– Найми персонального ассистента, – парирую я.

– «Да», или очкарик уходит в дальнее плавание, – чеканит он.

– О чем ты вообще... Да блин! На дворе двадцать первый век, крепостное право давно отменили!

– Ребят... – начинает Громов лениво, пронзая меня по-

змеиному зелеными глазами.

– Ладно! – выкрикиваю я, лишь бы прекратить этот фарс. – Хорошо! Я согласна. Но никакого секса, ничего противозаконного или того, что может угрожать здоровью. Вы не тронете Веню и...

– Условия здесь выставляю я, – перебивает Громов, наклоняясь так близко, что кончик его острого носа едва не цепляет мою щеку. – Будешь мне должна.

– И что это значит? Как долго? – Я тараторю, потому что паника подступает к горлу и меня тошнит.

– Пока мне не надоест, – звучит под похоронный марш в моей голове. – С остальным я согласен. Нужны твои цифры.

– Чего?

– Телефон твой, – поясняет тоном, которым разговаривают с умалишенными.

– Зачем?

– Спокойной ночи желать перед сном. – Он закатывает глаза и будто бы злится. – Тему доклада скину. Завтра Филатову нужно сдать.

Кстати, о нем. Мы уже схлопотали прогул? Значит, автомата не будет? Черт, черт, черт.

Я по собственной воле даю мажору свой старенький телефон с трещиной посередине экрана, а тот, нахмурившись, вбивает номер и делает дозвон. Потом кивает, резво стартует с места, и не успеваю я глазом моргнуть, как буйная троица уже метрах в десяти от нас заворачивает за угол.

– Эй, что за подстава? Доклад для Филатова не написать за один вечер! – очнувшись, кричу Громову вслед, пока Веня рядом со мной виновато вздыхает.

– У тебя есть стимул совершить невозможное, – небрежно сообщает Арсений в ответ. – Надеюсь, ты помнишь, что он не принимает работы из интернета?

Громов подмигивает и скрывается из виду, вызывая во мне неконтролируемую жажду крови.

– Я тебе помогу, – мямлит Веня, а я впервые за все годы нашей дружбы, которая прошла проверку садом, детскими лагерями и школой, так сильно на него злюсь.

Что там придурок нес про девушку, к которой сунулся Вениамин?

– После этого, – сердито хмурюсь, чтобы он не думал, что я шучу, – ты просто обязан мне все рассказать! И можешь начинать прямо сейчас.

Глава 2

Арсений

– Арс, я... Я все... О-о-о... А-ах! – Горластая старшекурсница Карина сладко стонет подо мной и бурно кончает, ритмичными пульсациями массируя мой член. Охренительно. Я догоняю ее и, насладившись собственной разрядкой, стаскиваю резинку, а после падаю рядом с развалившейся на кровати девчонкой.

Нормальная она все-таки телка: волосы светлые, глаза голубые, кожа повсюду гладкая, не дура, но и заумных речей не толкает – все, как я люблю. Надо сохранить ее цифры под номером двадцать один. Мое любимое число. Когда в следующий раз возникнет желание сочно потрахаться, быстро вспомню, что с этой было хорошо.

Подождав, пока выровняется дыхание, я тянусь за ветровкой, в кармане которой припасена полупустая пачка сигарет – таскаю ее с собой уже месяц. Я почти бросил, но покурить после зачетного секса – как забить трехочковый за секунду до свистка арбитра. Отказать себе в этом удовольствии я пока не могу. Выбив из пачки одну, глубоко затягиваюсь и ощущаю, как ослабевшее после оргазма тело снова наполняется энергией. Наверное, быстро перекурю сейчас, и на второй раунд с Кариной пойдем. А почему нет? Отличное завершение бесконечно долгого дня, и я почти готов.

– Арс, может, в кино сходим? Новая часть «Аватара» вышла.

Член, не успев толком встать, падает замертво.

– Ага, – хмыкаю я, внутренне уловив топорные попытки Карины перевести наши отношения из плоскости кровати в романтику. Я такое сразу пресекаю. А в кино лучше с парнями схожу. «Аватар» – это тема. – Созвонимся как-нибудь, лады? А сейчас я пойду, мне пора.

– У тебя же есть мой номер?

– Есть, ага, – отзываюсь я, теряя терпение. Вместо двадцати одного получит от меня в записной книжке троечку, а это значит, что сегодня у нас первая и последняя встреча.

Видимо, умственные способности Карины я все же переоценил, потому что моего настроения свалить она упорно не считает. Пододвигается ко мне ближе и начинает водить острыми когтями по моему плечу. Жаль, что у меня на нее больше не стоит и я терпеть не могу, когда телки царапаются. А-а, больно!

Резво поднявшись, я собираю шмотки, разбросанные по полу, одеваюсь. Надо бы в душ сходить, конечно, но аппетиты Карины на мое личное время растут в такой геометрической прогрессии, что мне стремно задерживаться у нее в квартире даже на пять минут. А то она в своих мечтах скоро от кино к ужину при свечах перейдет. Там и до знакомства с родителями недалеко – знаем мы таких.

Когда я выхожу на улицу, уже темнеет: по небу мажет

остатками заката, зажигаются фонари и фары мимо проезжающих автомобилей. Я собираюсь набрать Руса, узнать, что он делает, и, может, пересечься с ним, но стопорюсь, когда с незнакомого номера прилетает сообщение.

«Реферат отправила».

Мозг в первые пару секунд впадает в ступор, но потом я вспоминаю вчерашнюю стычку с лузером Веней и его подружкой в смешном, похожем на мешок прикиде. Вовремя она мне подвернулась с этим договорным рабством все-таки. Отличница и зазнайка – прямо то, что доктор прописал. Закрою зимнюю сессию без лишних заморочек.

Опомнившись и глянув на время, я решаю забить на Руса, тем более что настрой тусить почему-то сбит. Тачка по-прежнему в сервисе, поэтому я вызываю такси и валю домой – распечатаю доклад и спать. На хрен все. Хотя бы раз выплусь: завтра после пар я маму с братом хотел проведать, а вечером мне предстоит попотеть на тренировке. В пятницу важный матч с задротами из РУПС, надо быть в форме.

Пару бесконечно долгих дней я верчусь как белка в колесе. Всем от меня что-то нужно, даже отец, обычно в свободное время занятый очередной малолетней любовницей, появляется на горизонте и хочет со мной поговорить. Дел реально невпроворот, поэтому, сдавая Филатову подготовленный пучеглазой доклад, я даже испытываю что-то вроде благодарности к ней и ее дружку-лузеру – сам бы я точно не вывез эту порцию гранита науки, а «неуд» мне сейчас вообще

ни к чему.

К следующей паре у профессора я нормально раскидываюсь с делами, удовлетворяю желание отца проверить на прочность семейные узы, забираю машину с новыми дисками и тонировкой из сервиса и наконец полностью концентрирую усилия команды на предстоящем баскетбольном матче.

– Что ж. – Зверюга Артемий Александрович Филатов, наш препод, достает из потрепанного портфеля, выдавшего, наверное, самих динозавров, пачку рефератов и бросает их на стол. – Все, кто сдал работы вовремя, получают зачет. У некоторых студентов в текстах есть прямо-таки неплохие мысли. Молодцы, хвалю. Но вот один реферат мне хочется выделить особенно. Не поверите, сегодня у нас отличился Арсений Громов.

По аудитории проносится стройный гул протяжного «у-у-у», а я давлю улыбку. Отлично, Огнева, зачет у Филатова дорогого стоит. Может, и не буду жестить с ней. Еще пара рефератов перед зимней сессией – и отпущу на все четыре стороны подтирать сопли ее очкарику.

– Где-то здесь есть одна, я бы даже сказал, выдающаяся мысль, – скрипучим голосом продолжает препод, листая страницы. – Я ее специально маркером выделил и дважды прочел, чтобы, так сказать, прочувствовать. Ага, вот она, цитирую: «У Виктории Огневой потрясающая задница». И ведь не поспоришь же!

После секундной тишины аудитория взрывается диким

хохотом. Ржут даже Бык с Русланом, а я, черт возьми, смущенно краснею. Краснею, блин! Вроде так называется этот процесс, когда кровь бурлит и кипятком бьется в щеки и лоб?

Придушу Огневу. Да я ее просто придушу! Голыми руками! Пусть только попадется мне на глаза.

До конца дня я коплю в себе ярость, которой собираюсь стереть дерзкую сучку с лица земли. Пробиваю ее расписание, но она, по ходу, понимает, что ей и ее «потрясающей заднице» звездеч, – умудряется просачиваться в лектории и из них через меня. Хитрая, зараза, но и я не сопливый пацан. Ловлю ее в коридоре после четвертой пары и, не церемонясь, толкаю к стене.

– Я вот не пойму, Виктория Огнева, ты до хера смелая или просто дура? – хриплю ей в лицо.

– Не понимаю, о чем ты, – невинно хлопая ресницами, поет чучело в безразмерном свитере и огромных штанах. Это у нее приколы такой – косить под раннюю Билли Айлиш? – Отодвинься от меня. У меня личное пространство.

– Все ты понимаешь, – рычу я в ответ и еще сильнее вдавливаю ее в стену. Пусть останутся вмятины, зато навсегда поймет, что со мной шутки плохи. – Такими темпами ты мне по гроб жизни будешь обязана.

– А не пойти бы тебе...

Я гашу новую порцию дерзостей девчонки, сжав ее шею пальцами.

– Пойти здесь можешь только ты, рассказать куда? – цежу и для устрашения даже наклоняюсь ниже, так что наши лбы почти соприкасаются. – Ты мне должна, забыла уже? Так, если память короткая, я напому.

Она распахивает губы, явно намереваясь возразить, но тщетно, потому что я успеваю накрыть ее рот ладонью. Не желаю слышать ее приторно-сладкий голос, полный унижающего меня дерьма.

– Раз у тебя в натуре такая *потрясающая* задница, завтра жду тебя на нашем матче в костюме чирлидерши. Всем универом будем любоваться. Усекла? А не притащишь свою звездную задницу на матч, будешь вылавливать тощее тело своего Вениамина в фонтане. Или в реке. Говорят, он хреново плавает, м?

– Ты... Ты... – задыхаясь, шипит стерва, все еще трепыхаясь в моих руках.

О, и мне нравится, как она выглядит в этот момент: в ярких глазах плещется испуг, щеки краснеют, а пахнет... Даже специально тяну носом, чтобы убедиться. Да, точно, сливочный крем и корица, как выпечка в «Синнабоне», только аромат не такой навязчивый, тоньше. Интересно, эта коза так пахнет, потому что между парами сладости точит? Ну, судя по заднице, да.

– Я, Булочка, я, – отвечаю с ухмылкой и отстраняюсь от нее. – Рот захлопни, а то найду ему лучшее применение. Правила здесь устанавливаю я, запомни для твоего же блага.

И подставишь меня еще раз, пеняй на себя. Тебе, возможно, и переезд в другую страну не поможет.

Глава 3

Тори

Это дурацкая затея.

Связываться с Арсением Грозовым изначально было очень плохой идеей – не представляю, какая неведомая сила отняла у меня язык и заставила согласно кивнуть на его идиотский приказ прийти на игру, чтобы махать помпонами. Сейчас я, конечно, понимаю, что могла бы найти сотню достойных ответов отморозкам и обыграть все по-другому, но что это меняет в глобальном смысле? Ничего. Дни не отмотать назад. Без маховика времени – точно нет.

Блин, ну правда, каким местом я думала, когда соглашалась? Пусть бы Веня поплавал немного – не утонул бы, ведь так? Хотя кому я вру, шайка Грозова не отстала бы от нас ни-ког-да и превратила учебу до самого выпуска в ад. Видимо, это время под гнетом юного недалекого деспота нужно просто пережить, как стихийное бедствие. Наиграется и бросит, да? Бывало и хуже, когда, например, в общежитии делали ремонт и изо всех щелей лезли тараканы. Я справилась с целой армией рыжих вредителей, неужели не одолею одного, пусть и особенно противного? И зачем вообще ломать голову, если все и так уже произошло?

Доклад – есть, но впредь стоит действовать осторожнее, хотя удержаться сложно. Но кто мешал Грозову пройтись

глазами по буквам? Я ведь совершила свою маленькую месть огромным шрифтом!

Ладно, теперь чирлидинг. Это нужно просто вытерпеть.

Следующим шагом будет поиск уязвимого места Громова, грязный шантаж и моя свобода.

Недолго думая, я открываю заметки в телефоне и накидываю нехитрый план действий. Даже самую сложную задачу можно решить, если продумать все поэтапно.

Договориться с Настей, капитаном группы поддержки красно-белых, оказывается несложно – в прошлом году я писала ей курсовую, благодаря которой та выровняла средний балл и осталась со стипендией. Она тоже живет в общежитии, на этаж выше, и мы пару раз мило болтали ни о чем в нашей скромной маленькой кухне, когда у них ломалась микроволновка. Бюджетники, да еще и приезжие, вообще стараются держаться друг друга и выручать там, где могут. Поэтому, когда я прихожу к девочкам в комнату с дурацкой просьбой взять меня завтра на игру, Настя даже не устраивает допрос.

– Не представляю, зачем оно тебе нужно после профессионального спорта, но о'кей. Скину тебе запись тренировки, думаю, выучить за вечер пару элементарных связок для тебя не будет проблемой. На баскете мы прикрываем только таймауты – это тридцать – сорок секунд времени. За формой забеги вечером, гляну, что сумею достать из старых запасов.

Вот и все. И даже пламенная речь с перебиванием косточек Громову мне не пригодилась, а так хотелось ну хотя бы

раз по нему пройтись.

Вечером я устраиваю себе внеплановую тренировку с растяжкой и несколькими подходами на приседания и пресс, затем пару раз прогоняю танцевальные па, которые предстоит исполнить на баскетболе. В результате, с непривычки после долгого перерыва сильно устав, я сплю сном младенца точно до звонка будильника, вместе с которым просыпается моя тревожность. Зато пары в день икс пролетают незаметно, потому что я час за часом на повторе смотрю Настины видео – даже при таком, казалось бы, глупом задании я не могу действовать легкомысленно. У меня по жизни все должно быть подчинено контролю, а чертов Громов приносит хаос в мой размеренный график! И я собираюсь сделать все, чтобы скорее избавиться от этого раздражающего фактора ради запланированного на недели вперед списка дел. И ради Вени. Глупого наивного Вени, который каким-то образом умудрился пригласить на свидание Лику, девчонку плосколицего, что безбожно флиртowała с ним, лишь бы списать на тесте. А теперь мой милый друг проверяет у окулиста зрение и пытается наскрести деньги на новые очки. Сколько его помню, Веня всегда был гением в точных науках и абсолютным профаном в сердечных делах!

Мы с Вениамином Балашовым дружим еще с детского сада и в школе ходили одной дорогой домой. Класса с седьмого сидели за одной партой, потому что так нам было проще: Веня таскал учебники и делал домашку по математике, а я

без конца катала за него всякие сочинения и прочую муть, где вместо арифметических знаков нужно было ставить знаки препинания, с которыми он был не в ладах. Мы легко находили общий язык: Балашову нравились блондинки, мне – брюнеты. Мы казались несовместимыми в романтическом смысле, и это было прекрасно. Когда в девятом классе у меня неожиданно для всех выросла грудь третьего размера, он единственный говорил со мной, глядя в глаза, – вот что значит настоящий друг.

Кстати, о брюнетах, которые мне нравятся.

– Привет, малышка! – Дима Воронцов, с которым мы вот уже три недели подряд каждый день после универа пьем кофе в парке, с ходу давит меня в медвежьих объятиях. Он такой – открытый, простой и огромный. Все его эмоции написаны на лице, и он отвратительно флиртует, но в остальном пытается вести себя как настоящий джентльмен.

Сейчас, когда он поднимает меня над полом и кружит прямо посреди коридора, привлекая внимание, от него пахнет дезодорантом и свежим гелем для душа – видимо, тренировался не так давно. Дима радостно смеется, возвращая моим ногам опору, а я искренне улыбаюсь в ответ, потому что... нет, ну а как можно ему не улыбаться?

Воронцов кажется большущей скалой со всеми этими мышцами, наращенными долгими тренировками. С ним совсем не страшно ходить по темным переулкам, но лично меня подкупает то, каким милым и интересным он может быть,

когда перестает стесняться. И да, он обычно реально краснеет, когда провожает меня до общаги и явно хочет поцеловать.

Но не целует. Почему-то.

Дима рвет все стереотипы о качках и шаг за шагом медленно, но верно покоряет мое сердечко. Перед ним невозможно устоять. Был бы еще чуточку выше – причислила бы к лику святых.

– Привет! – не сдерживая смех, здороваюсь я.

– Ну что, навстречу карамельному капучино? – спрашивает он с ярким блеском в глазах, и я уже набираю воздуха в легкие, чтобы по привычке согласиться, а потом вспоминаю, кто и где меня ждет, и, опустив голову, быстро сдуваюсь, как лопнувший шарик.

– Блин.

Я и правда расстроена, что пропущу этот кофейный аттракцион.

– Эй, Викуль, ты чего? – спрашивает Дима участливо. – Что-то случилось?

Он выглядит взволнованным, и я спешу его успокоить.

– Нет, но... – Боже, как ему сказать, что буду крутить задницей в костюме чирлидерши, когда я так много раз утверждала, что это даже не спорт? – Сегодня не получится. Мне надо... У меня возникли дела.

Видимо, никак. Потому что у меня язык не повернется признаться ему. Не сейчас.

Воронцов внимательно смотрит мне в глаза, сведя темные кустистые брови.

— Ладно, — спокойно соглашается он, изучая мое лицо, — тебе нужна моя помощь? Ты же знаешь, что всегда можешь положиться...

— Да-да, конечно! — перебиваю я, сгорая со стыда, потому что он и здесь проявляет себя лучше, чем мог. — Дим, все хорошо, правда. Просто попросили помочь, не жди меня, — отмахиваюсь будто бы легко.

Воронцов никогда не ходит на баскетбол, и я не хочу, чтобы начинал из-за меня. Не хочу, чтобы смотрел на меня почти раздетую. Тем более стал свидетелем убийства, если я вдруг решу свернуть шею одному умственно отсталому троллю с повязкой капитана.

Чтобы не врать ему еще больше и не затягивать неудобную паузу, я сбегая в раздевалку. Стараюсь ни о чем не думать и заглушить совесть, которая рычит на меня. Я и без нее понимаю, что ложь — плохой фундамент для отношений. Особенно для отношений, которых еще даже нет. В темпе сбрасываю худи и ныряю в форму команды поддержки, не скрывающую и половины тела. Спешу на финальный прогон, а спустя час, когда уже трясусь помпонами перед огромной толпой, голые ноги и пупок кажутся меньшим из того, что волнует меня. На самом деле на соревнованиях по гимнастике леотарды часто едва ли прикрывали мой зад, мне не привыкать.

«Поднимите руки выше, почему мы вас не слышим?» – задирая ноги к потолку, вместе с девочками кричу я.

А тревожит меня то, что уже какое-то время мои лоб, живот и все выпуклые части тела беспрерывно прожигает змеиный громовский взгляд.

«Вас порвет наш дикий Гром!» – одними губами повторяю я за всеми.

Или он порвет в клочья только меня?

Что я снова сделала не так?

Глава 4

Арсений

– Охренеть, а у Огневой-то под одеждой прятались буфера! – присвистнув, выдает Рус.

– Да, зачетная без мешка своего, я бы вдул, если б за базаром следила, – ржет Саня, согласно кивая бритой башкой.

– Играть, твою мать, кто будет? – рычу я, потому что, вместо того чтобы думать о двухметровом Халке из РУПС, который раз за разом прорывает нашу защиту, все пялятся на эту девчонку.

И там, блин, есть что заценить.

Если я и рассчитывал, что над Булочкой в форме можно будет поржать, то крупно ошибся. Сейчас только я выгляжу клоуном, пытаюсь вернуть внимание парней, исходящих слюной. Огнева явно дружит со спортом – это заметно по накачанным бедрам и икрам. Да и пресс у нее лучше, чем у половины пацанов. Даже если я прав и в перерывах между парами она точит булки, зараза знатно отрабатывает их в спортзале.

– Тайм-аут! – подав руками знак, орет тренер, и я уже предвкушаю словесную порку, которую мы заслужили. – Вы совсем оборзели? Что за умирающие лебеди на площадке? Две минуты до конца игры, а у нас равный счет!

Я слушаю Артуровича вполуха. Сам знаю, что парни ко-

свят, сам бы им вставил по полной – думаю я, а мой взгляд так и косится в сторону скачущих лошадок, как я привык звать чирлидерш. Большинство из них я успел объездить еще в прошлом году, но оно того не стоило – трахался будто на автопилоте. Огнева с ее формами среди них кажется, кто бы мог подумать, племенной кобылкой. Ей не идут помпоны, но скачет она знатно, сиськи так и пружинят с каждым прыжком. Слегка даже завораживает, и теперь она бесит меня еще сильнее, чем прежде, но я ловлю себя на мысли, что не отказал бы, если б та захотела поскакать на мне. Хотя бы для профилактики сердечно-сосудистых заболеваний, о которых без конца триндит тренер.

– Громов! Ты с нами вообще или как? – слышу я, сразу же дергаю головой и, нахмурившись, смотрю на Артуровича как ни в чем не бывало. – Вы втроем играете по старой схеме. Нам нужна эта победа, – повелевает он.

– Ага, – бросаю коротко, забив на тупые пламенные речи. Жадно глотаю воду, лью за шиворот, дышу.

Из-за боковой линии долетают кричалки один раз, другой. На третий их подхватывают трибуны, и когда я поворачиваюсь в сторону шума, то ловлю острый взгляд серых глаз. Огнева смотрит на меня в упор, не таясь, не прячась. И когда лошадки ржут про Грома, который всех порвет, прыгают шпагаты и раскидывают руки в стороны, эта сучка демонстративно тащит два пальца в рот.

Тошно ей? Да ей конец. Но звучит баззер, и я на время,

очень недолгое время, откладывая сокрушительную месть. Злюсь, закипаю и бешусь, что эта мелкая выскочка надула меня. А я чувствую себя именно так – будто она поимела меня на ровном месте.

В порыве я кладу на указания тренера отыгрывать тройку. Рискнув в последние секунды, перехватываю мяч и отправляю его в кольцо с трехочковой линии. Тот входит в корзину вместе с сиреной, не цепляя сетку, и зал взрывается одобрителем гулом, от которого под ногами вибрирует паркет. Лошадки скандируют, как меня любят, а я, игнорируя разъяренного тренера, довольно киваю им. Могу, когда хочу, что уж.

Скоро народ начинает расходиться с трибун, все потихоньку сворачивается, но не для меня. Я быстрым шагом огибаю толпу галдящих парней и иду к девчонкам, которые с моим приближением визжат только сильнее. Каждая вторая явно не прочь повторить наш секс-марафон и расширить границы сознания. Остальные прямо здесь готовы потерять трусы. И только *эта* с траурной миной двигает руками синхронно со всеми.

– Эй! – Я дергаю подбородком, а она закатывает глаза. Дура или правда бесстрашная? – Я к тебе обращаюсь, Огнева!

Она машет ногами, не позволяя к ней подойти, и полностью меня игнорирует. Охренела? Меня это не останавливает. Я кладу на личное пространство, ловлю в воздухе ее ступню и за щиколотку фиксирую над головой. Другой ру-

кой толкаю девчонку еще ближе к себе и крепко сжимаю ее талию. Со стороны бы оценить картину целиком, как делают с шедеврами живописи, но даже так растяжка впечатляет. Хотя меня все еще бесит ее выражение лица. Не много ли она о себе возомнила?

– Отодрать бы тебя в этой позе, чтобы неделю ходить не могла, – говорю, слегка понизив голос, и крепче сжимаю пальцы. Делаю еще один крохотный шаг вперед, чтобы почти столкнуться с ней носами, и опять этот приторный запах пробивает до мозга. Я на сладкое больше смотреть спокойно не смогу.

– Ничего противозаконного или того, что может угрожать здоровью, – перечисляет она, глядя куда-то за мою спину и будто бы вообще не напрягаясь из-за задранной к потолку ноги. – Никакого секса...

Сука.

– Это будет сложно, – улыбаюсь я, почти цепляя ее губы, – особенно когда ты сама попросишь.

Хрен его знает, что на меня находит, но ее строптивость и дурная смелость возбуждают. Да и кто вообще мог подумать, что под слоями безразмерной одежды прячется *это*? Я даже почти готов признать, что задница у нее и правда *потрясающая*. Только не вслух, вот еще. Но, кажется, играть с ней будет веселее, чем я думал.

– Мое рабство не продлится долго, – заявляет Огнева смело и дерзко, медаль за отвагу ей бы на лоб наклеить.

– С чего взяла?

Интересно, насколько далеко она зайдет со своей отчаянной глупостью, потому что каждое лишнее слово добавляет ей срок в моей голове. И испытания. Часть из которых ей придется проходить голой.

– Я не намерена прогибаться. Спорю, мы с Веней очень скоро будем свободны.

Да она вечность будет мне прислуживать!

– С чего. Ты. Взяла?

И сотен людей вокруг будто бы не существует. Только пара ее серых глаз против моих. Это даже кажется вполне достойным противостоянием. Достойным того, чтобы не свалить в эту самую секунду или не ткнуть пальцем в любую другую бабу из тех, что готовы обслужить меня за трибунами. Это интересно, я чувствую, как в штанах дергается член, и медленно опускаю ладонь с ее лодыжки вниз.

– У всех есть слабости, – шепчет она ядовито, отравляя каждым словом. – Слабые стороны. Я найду твою ахиллесову пятую, и ты оставишь нас в покое.

Булочка охренела вкрай.

– Но до этого момента ты моя верная слуга, – громко усмехаюсь, чтобы чуть придушить ее уверенность, и точно вижу, как Огнева теряется. Потому что хозяин положения здесь я, а она слишком много о себе возомнила. Пытаюсь поймать ее затылок и доходчиво объяснить, что дерзить мне не стоит, но зараза отшатывается от меня и, промолчав, просто про-

гибается назад в мостик. Я едва успеваю отступить, чтобы не получить ногой по лицу.

– Жди следующего поручения. – Когда она выпрямляется, говорю так, чтобы слышали все, и подмигиваю ей. – Я не заставляю тебя долго ждать.

– Пошел ты, – скорее читаю по губам, чем слышу, потому что в сознание проникает посторонний шум. Огнева отвечает, а затем срывается в акробатическую дорожку вместе со старшекурсницей, с которой у меня не так давно был секс. Кажется.

– Не могу, сорян! – бросаю им весело вслед. – Я еще задницу твою не проверил, а ты в реферате Филатову написала, что она у тебя огненная!

Девчонка все слышит, уверен на сто процентов, потому что щеки даже издалека горят красным. Слышит, но намеренно не смотрит в мою сторону и возвращается стройным шагом, высоко задрав подбородок. А я понимаю, что меня наконец ждет что-то необычное и интересное.

Мы еще увидим, как она запоем. Желательно подо мной.

Глава 5

Тори

Когда наш преподаватель английского сообщил, что дополнительные занятия по подготовке к TOEFL будут зачтены вместо курсовой по его предмету, я, конечно, понимала, что дискуссионный клуб станет популярнее, но не настолько же! Я хожу сюда после пар с начала семестра, потому что языковой экзамен нужен мне, чтобы участвовать в конкурсе международной программы по обмену. Это одно из условий, без него я не получу студенческую визу. И я ни разу – НИ РАЗУ! – не видела здесь больше пятнадцати человек. А теперь, придя за десять минут до начала, которые могла потратить на тот же кофе, я занимаю одно из последних мест! Еще и на галерке!

Как это все понимать?

Поздоровавшись с девочками, которых часто вижу здесь, но не знаю по именам (хотя одна из них всегда зовет себя Алексей в диалогах, поэтому, наверное, она Саша), я выкладываю тетради на стол и оглядываю переполненную аудиторию. В особенности старшекурсников на первом ряду, среди которых выделяется Карина с ядовито-красными губами – та после вчерашнего матча зажала меня в раздевалке и сказала не лезть к Громову, как будто я только об этом и мечтала. Сомневаюсь, что ей и ее недалеким друзьям будет интерес-

на лекция. Они явно пришли за бесплатными бонусами, а мне придется страдать и напрягать слух. Володин, наш преподаватель, всегда говорит очень тихо, поэтому я стараюсь садиться ближе к нему – так слышно хоть что-то. Мне теперь в следующий раз придется пожертвовать еще и обедом, чтобы сесть вперед?

Ненавижу, когда я вынуждена кроить привычное расписание! Было бы ради чего. На весь универ всего пять конкурсных мест для учебы за границей. И наверное, в целом мне с моим очень хорошим, но не таким идеальным, как у того же Вени, средним баллом вряд ли что-то светит, но я хочу хотя бы попытаться. Почему нет? А половина окружающих меня придурков вполне могли бы купить себе этот курсач, вместо того чтобы занимать свободные места! Не обеднели бы, и ребята, которые пишут на заказ, лишний заработок был.

Я злюсь, но моя злость ничего не меняет. К большому сожалению, мой взгляд не испепелит сидящий вокруг народ. Поэтому я всего лишь с раздражением цокаю и бросаю цветные ручки на парту, рюкзак – на стул, а затем бегу вниз, чтобы успеть в уборную, пока мы не застряли здесь на два, а то и на три часа без перерыва. Надеюсь, многие из присутствующих хотя бы помрут от тоски.

Спускаясь, на ходу пишу сообщение Лизе, которая должна сменить меня после восьми в кафе, и настойчиво прошу прийти вовремя, потому что она вечно опаздывает, а мне нужно одолеть целый вагон не дописанной из-за дурацких

заданий Громова домашки. Делаю пометки в телефоне и, уткнувшись в экран, случайно врезаюсь в кого-то. Точнее, этот кто-то чуть не сбивает меня с ног, ворвавшись в класс на скорости гоночного болида. Кто-то наглый, кто не просто не извиняется, но еще и, не пропустив, толкает меня обратно. И даже не поднимая глаз, я догадываюсь, кто передо мной. Эти лоферы и зауженные брюки я узнаю теперь из тысячи.

Громов.

Бесит.

Как будто ему тут церемония вручения премии GQ, а не допник по английскому. Пижон!

– Дашь пройти?

– Здравствуй, Огнева, – он и не собирается двигаться с места, – не хочешь извиниться?

Громов кивает на свои начищенные туфли, на одном из которых остался след от моих кроссовок.

– Извини, – я приторно улыбаюсь, будто радугой поперхнулась, – что не отдала тебе ноги, хотя очень старалась. Пропусти!

Пихнув Арсения локтем в бок, я пытаюсь протиснуться мимо него, но он ловит меня цепкой рукой за талию и толкает обратно. Я врезаюсь в твердую грудь и ощущаю на себе сотни две взглядов, а это оказывается непомерно тяжелым грузом.

– И снова ты рэпер на минималках, – раздев меня до костей непристойным взглядом, заключает Громов. – Зачем ты

прячешь весь этот секс?

Я упираюсь ладонями в его плечи, но он давит на мою спину так сильно, что все равно нахожусь слишком близко к нему и чувствую запах кофе, который, в отличие от прохлаждающегося мажора, не успела выпить. Это меня еще больше злит.

– Какой секс?

– Такой, который замутим, если ты будешь послушной сладкой булочкой.

– Ага, в твоих мечтах! – повышаю я голос, а Громов наклоняется, хотя мне казалось, что ближе некуда, и задирает острые брови.

– Не забывай, что ты все еще мне должна.

– Один лишь доклад Филатову стоил всего!

– А твоя *потрясающая* задница, – цитирует он мои слова, которые я приписала в гневе, мечтая о спичках в глазах, чтобы не уснуть, и давясь растворимым кофе без молока и сахара, – продлила тебе агонию. Но оно того стоило, да? Я теперь жду удобного случая еще раз взглянуть на тебя в какой-нибудь форме. Может, развратной медсестры? Не увлекаюсь ролевыми играми, но с тобой не прочь попробовать.

– Ты ужасен! – шиплю я, пытаюсь скрыть, как испуганно колотится мое сердце, но оно, кажется, стучит уже где-то в районе горла, и меня тошнит от волнения. – И как долго ты собираешься продолжать этот цирк?

– Пока ты мне не надоешь.

В его глазах пляшут искры, а сам он похож на сына дьявола, обернутого в мерцающий фантик.

– Даже у джинна есть всего три желания, будь добр загадать последнее и отвалить! – Это звучит слишком громко. На нас оборачиваются уже те, кому было все равно, и теперь я точно хочу провалиться сквозь землю, а Громов еще и добивает ехидной ухмылкой:

– А ты, смотрю, ждешь не дожدهшься следующего задания?

Туше. Меня хватает лишь на то, чтобы закатить глаза и сбежать. Я никогда не была сильна в этом словесном фехтовании, а тягаться с Громовым, чей язык куда только не доведет, уж точно бессмысленная затея. Что он вообще здесь забыл? Зачем ему эти занятия? Неужели папочка не оплатит мальчику курсовую?

Я так погружаюсь в мысли, что не вижу, куда иду, а очнувшись лишь в конце коридора, осознаю, что мне определенно нужно в другую сторону. Пока возвращаюсь, начинает играть мелодия, зазывающая всех разойтись на занятия, и я сдаюсь. Протискиваюсь в аудиторию вслед за Володиным и игнорирую косые взгляды. Особенно Карины в первом ряду и Громова слева по курсу. И все равно чуть было не спотыкаюсь на ровном месте.

– Давайте сразу к делу, чтобы не задерживаться сегодня, – заявляет с кафедры преподаватель. – Мы должны уложиться в два академических часа. Разбейтесь, пожалуйста, на пары,

отрабатываем перфектное время в устной речи.

Мое любимое! Потому что сложное и непонятное. Я с улыбкой поворачиваюсь к своей вечной напарнице и радуюсь тому, что сумею отвлечься, но внезапно натыкаюсь на ее затылок. Та самая Алекса уже активно болтает на английском с кучерявым парнем, что сидит на ряд ниже. С тем, у которого неприятно пахнет изо рта и над которым мы часто смеялись между собой, потому что, каждый раз пытаюсь произнести звук «th», он плевался слюной как минимум на пару метров.

Ладно, бывает. Я заглядываю ей за спину и машу ее соседкам, но они демонстративно двигают стулья ближе друг к другу и втроем склоняют головы над столом.

Что за...

Парень за мной, которого я первый раз вижу, только пожимает плечами и в ту же секунду по-английски предлагает объединиться с ним другому такому же безразличному на вид.

Что все это значит?

Шестое чувство зовет меня обернуться, и я с ходу обжигаюсь о пронзительный взгляд Громова, с наслаждением наблюдающего за моими метаниями. Самодовольная ухмылка явно говорит о том, что без его вмешательства здесь не обошлось. Он что, пообещал купить им всем айфоны, если те будут меня игнорить? Хотя о чем это я, одного его веского слова при желании должно быть достаточно, чтобы уничто-

жить чью-то репутацию. Он может просто указать пальцем на человека и сделать его изгоем. Нет, ну какая же Громов сволочь!

«Не нужно перечить мне, Булочка. – Треснутый экран на моем телефоне загорается сообщением. – Я хозяин этой ве черинки».

У меня уходит несколько секунд, чтобы вспомнить, откуда у Громова мой номер. Еще десять, чтобы найти, как заблокировать его. Меня душит обида, экран размывается, потому что на глазах выступают слезы, но я изо всех сил пытаюсь их сдержать. Что я хотела от всех этих недалеких придурков? И тут же внутренний голос завывает о том, что я не сделала им ничего плохого и не заслужила подобного обращения.

Я незаметно смахиваю сорвавшуюся слезу и резко вскидываю руку вверх.

– Сергей Дмитриевич! – требую его внимания, когда тот меня не замечает, уставившись в экран ноутбука и настраивая презентацию.

– Да, Виктория?

– Могу я вести диалог с вами? – Мой голос дрожит, как ни пытаюсь говорить ровно.

– Если вам не досталось пары, просто присоединитесь к кому-нибудь третьей.

– Нет, – настаиваю я и имею право, потому что ходила в этот дурацкий кружок тогда, когда он был никому не ну-

жен! – Я бы очень хотела отработать произношение. А кто лучше вас мне в этом поможет?

Выкуси, Громов, я тоже при желании умею манипулировать людьми, хоть и ненавижу это делать. А Володин просто обожает лезть! Ему можно бесконечно лить в уши, и он съест все, что будет с привкусом «вы такой хороший».

Когда тот соглашается, я спускаюсь и сажусь сбоку от преподавательского стола, игнорируя весь мир вокруг. Как могу изображаю безразличие к Громову и безудержный интерес к теме занятий. Иногда не контролирую себя и слишком сильно, до хруста сжимаю челюсть или кусаю губы, тяжело вздыхаю, но, черт возьми, это все отвратительно и очень обидно! И я обязательно это переживу. Позже, не сейчас.

Сейчас я намерена сосредоточиться на плане мести. Мне нужен компромат. Я больше не собираюсь оставаться в долгу у избалованного мажора.

Пошел ты, Арсений Громов.

Глава 6

Арсений

Пошла ты, Виктория Огнева.

Эту фразу я повторяю про себя раз, наверное, сотый, безуспешно пытаюсь сосредоточиться на тренировке. Бесит, сука. Как же сильно она меня бесит! Беспощадно молочу перчатками грушу, а в мыслях так и застыло ее лицо – растерянное и грустное, со слезами в глазах и бледными щеками. С каких пор меня вообще подобное беспокоит? Она нарывалась и получила по заслугам. В следующий раз будет меньше трепаться и думать, прежде чем вызов бросать. Смертница, блин.

Луплю грушу слева и едва успеваю увернуться. Не хватало только от снаряда в рожу схлопотать. Огнева вон уже промеж ног мне едва не зарядила, достаточно острых ощущений на сегодня. Вот на хрена она такая вообще на горизонте появилась? Рядится во всякую хипповатую дичь, а под тряпками – ангел Victoria's Secret. Таскается со всякими забитыми лузерами, а за словом в карман не лезет. Подумать только, как ловко она выкрутилась из ситуации на английском! Хотел ее проучить и поставить на место, но снова будто проиграл. Дурацкое ощущение, к которому я привыкать, блин, не собираюсь.

Я ведь не хотел делать ничего подобного. Но стоило ей

плюнуть мне в лицо очередную дерзость, потряхнуть копной волнистых волос с ароматом сливок и корицы и гордо удалиться, маня очертаниями сочной задницы под мешковатым дерьмом, как мою крышу сорвало. Никто так со мной не разговаривает. Точка. И если она не понимает слов, я готов доходчиво объяснить ей свою позицию на примерах.

– Эй, Гром, ты грушу просто так молотишь или вместо нее кого-то конкретного представляешь? – швыряя гантели на пол, весело голосит Рус.

– Отвали, – выплевываю, уловив четкий подтекст в его словах. – За собой следи.

Мы с парнями сегодня по графику завалились в спортзал на районе, чтобы немного поднять жизненный тонус. Я лично хотел без лишней болтовни потренировать, а не отчитываться перед кем-то.

– У тебя энергия так и прет. Но ты ее, кажется, не туда расходуешь, – не унимается придурок. – Может, Смирнову наберешь? И пусть она для меня подружку захватит.

– Я тебе не «Тиндер», чтобы твою личную жизнь устраивать. Хочешь трахнуть кого-то – валяй. Но давай без меня.

– А ты что, целибат себе устроил?

– Рус, ну ты что докопался до меня?

– Да ты просто как с цепи сорвался, Арс. На баскете орешь на всех, вечером дома сидишь, как старый дед. Я не пойму, неужели тебя реально подружка лузера так зацепила, что ты даже Карине отставку дал?

– Ты вообще, блин, о чем?

– О том, что я видел, как ты ее после игры лапал и какую фигню устроил на английском, – нарываясь Платонов. – Это вообще не в твоём стиле – девок подобным образом щемить.

– Ты у нас давно в полицию нравов заделался? – рычу я зло, стаскивая боксерские перчатки. – Давай ты от меня отвалишь, а я тебе цифры Карины сброшу. Потрахаешься, может, меня прекратишь доставать.

– Фу. – Рус брезгливо кривит рот. – Я после тебя не буду.

– Тогда помолчи, серьезно. Я в сауну.

Знатно пропарившись от и до, мы с Русом и Саней гребем отдыхать. Хотя, несмотря на то что с меня сошло сто потов у боксерской груши и потом еще столько же в сауне, покидая спортзал, удовлетворения я не ощущаю. Внутри все дребезжит от какого-то необъяснимого напряжения, которое мой мозг почему-то связывает с Огневой. Почему с ней? Я, может, о Русе беспокоюсь, которого мне после трени приходится везти в университетскую общагу.

– Ты уверен, что не хочешь у меня переночевать? – спрашиваю я уже перед обшарпанным зданием, когда Саня выходит покурить. Сегодня все катаются со мной. Бык вчера опять бухал безбожно, с таким факелом ехал на заднем сиденье, что все окна запотели, но если его еще хоть раз мен-ты пьяного за рулем поймают, папочка точно по голове не погладит.

– Угу, – говорит Руслан мрачно. – Не могу, Арс. Это, ко-

роче... Просто нет. Мне надо самому с этим разобраться.

Не знаю, с чем он там намерен разбираться. Как по мне, все и так предельно ясно, но я не форсирую события. Понимаю, что Платонову сейчас непросто. Кому бы понравилось, если бы отец меньше чем через год после смерти мамы привел домой малолетнюю сучку, с которой сам Рус когда-то спал?

– Батя твой учудил, конечно, – сочувственно произношу я, но не так, чтобы Руслан подумал, что я его жалею. Этот засранец чересчур гордый, чтобы адекватно воспринимать подобное выражение чувств.

– Да пошел он! – в сердцах бросает друг. – И его подстилка вместе с ним. Я лучше сдохну в этом клоповнике, чем домой вернусь, чтобы на их лица счастливые смотреть. И деньги его мне не нужны.

– Но тачку свою ты зря не взял, – все же говорю я.

Руслан в ответ на это молчит. Только губы поджимает и хмурится. Упертый баран, что тут скажешь.

Вытащив из багажника чемодан с его вещами и несколько коробок, мы с ним поднимаемся по ступенькам в общагу, пока Саня с Ликой своей в очередной раз по телефону собачатся. Вахтерша встречает нас с постной миной, пытаюсь запретить мне без пропуска подниматься в выделенную деканатом «по особым обстоятельствам» комнату Руса, но я незаметно для друга сую ей в карман пятитысячную купюру и беспрепятственно прохожу в студенческую обитель.

Жесть, конечно, как тут вообще можно жить? На стенах облупившаяся краска, паркет трещит, и стойкий запах тушеной капусты разлетается по лестничной клетке – аж тошно-та накатывает. А когда мы загружаем общажную морозилку мраморными стейками, меня даже на смех пробирает. Ну тут и правда отвратно. Все кажется столетним и грязным, а на сиротливой кровати в душной комнате Руслан поместится, только если согнется в три погибели. Тут просто находиться неприятно, но спать?..

– Рус, ты уверен? – начинаю осторожно, брезгливо оглядываясь вокруг.

– Арс, все. Закрыли тему, – злится Платонов. – Сказал же, я остаюсь.

– Ну как знаешь, – говорю спокойно, но все же лезу в карман, чтобы достать и положить на стол связку запасных ключей от моей хаты. – Это на всякий случай, если передумаешь.

– Не передумаю.

Не передумает – ему же хуже. Это место просто не предназначено для жизни нормальных людей. Лично я сюда больше ни ногой. Даже ради Руслана.

Глава 7

Тори

Протерев стол и забрав книжку с щедрыми пятничными чаевыми, которые мне оставили постоянные гости, я плетусь на кухню. На часах почти восемь вечера, и моя смена в кофейне вот-вот подойдет к концу, но расслабляться не стоит. Несмотря на дикую усталость, впереди у меня бессонная ночь в обнимку с моим собственным рефератом для Филатова и хвосты по другим предметам. Как же бесит, что из-за идиота Громова я буду клепать свою работу в последний момент перед сдачей, а он зачет получил, не напрягая извилин. Впрочем, было бы там что напрягать. Весь его интеллект, похоже, ушел в баскетбол. Вот мяч он отлично чувствует – играет и как стратег, и как художник. И в баскетбольной форме на поле смотрится круто, даже я – при всей своей нелюбви к нему – вынуждена это признать. Не зря же, по слухам, к нему команда из Евролиги присматривается.

Так, стоп. Огнева, да что с тобой, в самом-то деле? Подумать, что ли, больше не о чем, кроме как о талантах Громова? Лучше вспомни, что он ведет себя как последний мудака и из-за него ты нажила кучу проблем. Вспоминаю, и новая волна обиды за сегодняшний саботаж накрывает меня с головой. Если не перестану загоняться из-за этого самодура, который живет, чтобы удовлетворять свои прихоти, то утону

в жалости к себе. А я этого не хочу. Нужно найти его слабое место и ударить по цели – уж лучше думать об этом, а не о том, как девчонки из группы поддержки прямо на площадке чуть было ноги не пораздвигали, когда звездный Гром под вой финальной сирены трехочковый мяч в корзину загнал. Карина Смирнова так вообще, кажется, оргазм получила от происходящего.

Настя мне потом по секрету сказала, что Смирнова всем рассказывает, мол, они с Громовым чуть ли не встречаются. Но, судя по всему, там обычная история: он с ней переспал, а она сделала неправильные выводы – по крайней мере, обращается Арсений с ней именно так. И ведь учится, дурочка, на четвертом курсе, а не понимает, что у этого парня на лбу написано: «Только трахаюсь. Не встречаюсь». Крупным жирным шрифтом. Не представляю, как девчонки все еще ведутся на него, ожидая взаимности.

– Кость, хорошего вечера, я ушла, – сообщаю своему напарнику, скидывая фартук в корзину для прачечной.

– А Лиза где? – спрашивает он недовольно, выкладывая на поднос приборы.

– Лизы еще нет, как видишь, но скоро придет, – отвечаю я, прекрасно понимая, к чему он клонит. – Наверное.

– Карпова говорила, чтобы никто из нас не оставался в зале в одиночку, – припоминает он слова нашего администратора.

– А еще она говорила, что мы должны уважать коллег и

приходить на смену вовремя. Я это делаю, Лиза – нет. Извини, но сегодня я не могу задерживаться, у меня по учебе полный завал, – закидываю сумку на плечо и добавляю, чтобы немного смягчить собственную категоричность: – В зале почти никого нет.

В ответ Костя бурчит что-то неразборчивое под нос и выходит из подсобки, чтобы накрыть стол для вновь прибывших гостей. Скорее всего, в этот момент в мыслях меня костерит на чем свет стоит. Ну и пофиг. Лиза Киреева в своей типичной манере может еще час добираться до работы. Не буду же я работать за нее, когда у меня зачет у Филатова висит на волоске?

Выйдя на улицу, я с наслаждением вдыхаю свежий вечерний воздух. Несмотря на середину октября, погода сегодня прекрасная: тепло, нет ветра, а на небе, всю неделю затянутом тучами, даже звезды видно. И я понимаю, что у меня горят все сроки по реферату, но отказать себе в удовольствии прогуляться до общаги не могу. На маршрутке мне ехать минут десять, а топать буду все полчаса, но это, возможно, последние теплые деньки в году. Да и шагомер мой уже воеет от тоски, потому что я со своей вечной занятостью едва ли набираю в день четыре тысячи шагов – и те от общаги и обратно. А тело, приученное в прошлом к жесткому режиму тренировок, иногда скучает по спорту.

Я бодро вышагиваю по тротуару, глаза по сторонам, и улыбаюсь сама себе. Классный все-таки город я выбрала для

учебы. Не столица, но все, что мне нужно, есть: и универ в топе страны, и арт-тусовка приличная, и центр города, как с картинки. Надо будет на днях вытащить Веню на такую вот прогулку, а то он после фиаско с бандой Громова совсем в учебниках закопался. Понимаю, что ему передо мной стыдно, но меня уже немного отпустило – что сделано, то сделано. Я сама вызвалась вместо него добровольцем, чтобы стать частью Голодных игр. И теперь вариантов у меня всего два: или потерпеть, пока Громову надоест, или вынудить его отказаться от дурацкой затеи. Как сделать последнее, я пока не знаю, но копать в этом направлении не перестаю. Может, и найдется у него какое-нибудь грязное бельишко, которым его можно будет шантажировать. Точнее, я уверена, что его полно, надо просто понять, где искать.

Стоит мне вспомнить про Громова, как вдруг я замечаю на парковочном месте у общаги его кричаще-красную спортивную тачку с дурацким значком коня на капоте. Сердце пропускает удар, а уши начинают гореть, словно кто-то ругает меня трехэтажным матом. Ну вот и что он забыл тут в такое время? И сама же с раздражением отвечаю на свой вопрос: видимо, сегодня благотворительный день, и какая-то малышка из общежития, на которую указал его прибор, вытянула счастливый билет.

Накинув на голову капюшон в целях, так сказать, маскировки, я теснее прижимаю сумку к боку и ускоряю шаг. Видеть его не хочу, попадаться на глаза тем более – хватило на

сегодня злостью. Прохожу турникет в холле и надеюсь быстрее проскочить к себе, но у самой лестницы путь мне преграждает плосколицый шкаф с коротким ежиком.

– О! Мисс Огненная Задница явилась, – гогочет Быков, хищно щуря рыбки глазки.

– Дай пройти, – отвечаю сухо я.

Надо поскорее смыться отсюда, чтобы, не дай бог, Громов не объявился.

– А ты вкрай охренела, я смотрю, – скалит зубы качок. – Гром с тобой не жестит почему-то, а надо бы. Напомню ему.

И все-таки какое у него тупое лицо. Как ему живется-то с ним?

– А ты у нас что, собачонка, которая лает по команде Громова? – Я вижу, как его глаза наливаются кровью, но уже не могу заставить себя замолчать. – Или ты просто так, по своему желанию лижешь ему зад?

Едва эти слова слетают с моих губ, я почти сразу жалею о них, потому что плоское лицо Быкова покрывается красными пятнами, и он хватается меня за локоть с такой силой, что от боли темнеет в глазах.

– Я тебя убью! – Свистящий рык я слышу, будто через слой плотной ваты. Мне больно так, что я мигом забываю про все остальное. Даже кричать не могу – только судорожно хватаю воздух и ощущаю, как по щекам текут слезы.

– Саня, твою мать! – раздается за спиной рассерженный голос Громова. – Отпусти ее на хрен, руку сломаешь!

Глава 8

Арсений

Я спускаюсь к проходной и уже почти внизу застываю: на лестничной клетке между первым и вторым этажами стоят Саня и Огнева. Он – с бешеным лицом, она – явно в шоке, и понятно почему. Да, блин, от боли! Потому что Быков стискивает своей пятерней ее локоть так, словно собирается выломать девчонке руку, а затем стереть ее с лица земли.

– Саня, твою мать! – зову его со злостью и в одно мгновение преодолеваю расстояние до них. – Отпусти ее на хрен, руку сломаешь!

Что он вообще здесь делает? Шмотки поднять не помог, на хрена сейчас полез? Или опаздывает на очередной бухач? Так пусть такси себе, сука, вызовет. Леща так и хочется дать ему смачного.

Я дергаю Булочку на себя, чтобы подальше была от разъяренного Быка, и она впервые не сопротивляется. У нее явно болевой шок. Саня, когда с катушек слетает, силу вообще не рассчитывает.

– Она базар не фильтрует, Гром, – орет он, судя по всему, готовый снова кинуться в бой. – Я это терпеть не собираюсь.

– Уймись давай, – отрезаю я холодно и, чтобы отвлечь его, кидаю ключи от тачки, которые тот на ходу ловит. – На улице меня подожди.

– Арс...

– На улице. Меня. Подожди, – повторяю с нажимом.

Саня кривится, плюет в сторону и не спеша исчезает в дверях. А я не пойму, где вахтерши со своими криками про караул и обещаниями вызвать полицию, когда они так нужны? Поворачиваюсь к Огневой и едва касаюсь руки, но та отдергивает ее с широко распахнутыми глазами.

– Я не сделаю тебе больно, – говорю почти спокойно, чтобы не сорваться на мат. Какого хрена творит Бык? – Дай гляну.

Она мешкает, я вижу. Не доверяет и правильно делает. Кушает нижнюю губу, смотрит на меня, в пол, затем опять мне в глаза. Что-то взвешивает в своей лохматой голове, выглядывающей из-под объемного капюшона, и лишь тогда протягивает ко мне руку. Я осторожно задираю рукав ее толстовки и выдыхаю со злостью – вокруг локтя кожа красная, точно наждачкой терли. Синяки будут. Это капец.

– Как ты? – спрашиваю я, а у самого уши горят от стыда. Давно не чувствовал ничего подобного, но с ней это уже во второй раз, если считать подставу у Филатова.

– Жить буду, – глухо и покашливая, произносит девчонка, а затем смелее добавляет: – Насмотрелся? Может, отпустишь? Своих двух не хватает?

– Воу-воу, полегче, я пришел с миром, лады? – Разорвав контакт, я делаю характерный жест вулканского салюта из «Звездного пути», и Булочка внезапно смеется. Корот-

ко, негромко, но это все равно как удар под дых. Слишком неожиданно и забавно звучит ее смех, похожий на крик захлабывающейся чайки. – Это что было?

На мой вопрос она вдруг хохочет еще громче, а снизу очень внезапно доносятся шаги и гул голосов. Я реагирую мгновенно – хватаю Огневу за талию и толкаю в темный угол, где нас не увидят. Та от неожиданности мертвой хваткой цепляется за мою ветровку на груди, и я с трудом сохраняю равновесие, приперев девчонку к стене. Недавняя история повторяется с тем лишь отличием, что прямо сейчас мне совсем не хочется оторвать ей голову. Сейчас хочется совсем другого. После матча я даже передернул, вспомнив, как раз за раз высоко задирали ноги, – они определенно неплохо бы смотрелись на моих плечах. Разок-другой точно, чтобы попробовать самые пикантные позы, о которых я вспомнил ночью.

Ну да, бессонная была у меня ночь.

Сверкнув глазищами, Огнева выдыхает мне в лицо ту самую сладость, от которой крутит желудок – замотался сегодня, нормально не ужинал. На обратном пути нужно будет заехать за бургерами и не забыть про... булочки.

– Уже можно меня отпустить. – Она без резких движений отталкивает меня на расстояние вытянутой руки, когда толпа, не обратив на нас внимания, проходит мимо и скрывается на верхних этажах.

Шагнув от нее, я вижу, как глубоко она вздыхает, поправ-

ляет кофту, сбрасывает капюшон. Боится ведь явно, но продолжает настырно сопротивляться. А мне нравится ставить ее на место, поэтому я днем и замутил весь этот флешмоб «никому не говорить с Огневой». Хотел показать, кто тут главный и что может *быть*, если сильно меня разозлить. По жести не хочу с ней, нельзя перегнуть, но поиграть – почему нет? У меня на девчонку грандиозные планы.

– Пойдем, – осмотрев ее с ног до головы и вычеркнув из мыслей разврат за неактуальностью в данную минуту, киваю я в сторону лестницы.

– К-куда? – теряется она. И куда, блин, всю смелость дела?

– Тебе нужен лед.

Ехидная улыбка возвращается на ее лицо. Девчонка смотрит на меня снизу вверх, но будто бы свысока.

– И где ты собираешься найти лед? *В общаге*, – как для тупого, чуть ли не по слогам произносит она.

– У парней на шестом. Пошли давай.

Я специально не трогаю ее, пропускаю вперед. Она недоверчиво косит глаза, но все-таки поднимается молча. Правда, ровно до третьего этажа, где, видимо, и живет.

– Все в порядке, я...

– Иди, – уже раздраженно бросаю я и шагаю дальше, даже не оглядываясь. Почему? Я знаю, что она, блин, следует за мной. По чертову запаху.

Когда мы заваливаемся на кухню, которую с Русом посещали минут десять назад, я без слов киваю ей в сторону сту-

льев и лезу в холодильник, чтобы достать хороший кусок замороженного мяса. Уж лучше этот стейк выручит Огневу, чем падет смертью храбрых на кухне со ржавыми сковородками. Я брезгливо смотрю на кухонные полотенца не первой свежести и, конечно же, не нахожу бумажных. Плюнув, стаскиваю ветровку и заворачиваю в нее стейк, лишь после протягиваю девчонке. А она не сразу берет его, кривится, будто я ей кусок дерьма предлагаю. Задирает брови, осматривает мои голые плечи, не скрытые футболкой. Тормозит взгляд на кулоне, который я тотчас прячу, и этот жест разбивает тишину.

– И как это все понимать? – задает почти риторический вопрос, но, к моему удивлению, не спорит со мной. С облегчением выдыхает, приложив холодное к локтю – я замечаю, как бы ни пыталась скрыть.

Саня урод, блин.

– Может, в травму съездим? Я на тачке.

– Нет, спасибо, с твоим другом мы достаточно поболтали. Уволь.

– Я серьезно, – пресекаю этот поток сарказма из ее рта.

– Все нормально, максимум мне светит «неуд» от Филатова, потому что сегодня я вряд ли сяду за ноутбук. – Она усмехается, но неправдоподобно. – Лучше объясни, как ты здесь оказался? И откуда познания в общажной жизни?

Я беру стул и поворачиваю к ней спинкой, а затем усаживаюсь на него и склоняю голову набок.

– К Русу заезжал.

Она будто бы не сразу соображает. До нее медленно, но верно доходит, и она снова выглядит удивленной.

– Третий из ларца – и простой смертный? Как так вышло?

Пожимаю плечами, потому что распространяться о жизни друга точно не собираюсь, и достаю мобилу, чтобы решить еще один вопрос. Игнорирую Огневу и слушаю гудки – мама всегда долго ищет телефон, который бросает где ни попадя.

– Да, Арсюш. – Это звучит слишком громко, и Булочка слышит. Давит улыбку, но глаза ее сдают. – У тебя все в порядке?

– Ага. Мам, замути справку для хорошего человечка на завтра, – без предисловий перехожу к делу. – Что угодно – хоть почетным донором сделай. Пожалуйста, – добавляю я, когда вижу, что Огнева собирается возмутиться вслух, и затыкаю, приложив палец к ее губам, от которого она отшатывается, будто обожглась.

– И кому выпала такая честь?

– Мам, не начинай, данные скину.

– С тебя подробности, сынок, – сквозь динамик слышу усмешку. Это у нас семейное.

– Решил заняться благотворительностью, – говорю и быстро сворачиваю разговор.

Я думаю про Руслана, у которого в семье такой триндец, что тот решился жить в общежитии, и не могу не радоваться про себя своим родителям. Пусть они у меня далеко не идеаль-

ные, еще и разведены, но адекватные и с душой. По крайней мере, я очень надеюсь, что отец не снимет Огневу при удобном случае, он вроде бы так и бегаёт за мамой. Сегодня с утра, когда я заезжал отвезти малого брата в школу, как раз застал папу на цыпочках выходящим из маминой комнаты. Никогда не пойму их отношений, но не лезу к ним.

Отключив вызов, я ловлю на себе заинтересованный взгляд Огневой. Зараза будто в душу мне смотрит, не люблю такие откровения. Ей точно лишнего не нужно знать, чтобы перепихнуться со мной.

– Отдыхай, с меня справка. Дальше сама, – бросаю почти безразлично, вскакиваю на ноги и, не дожидаясь, пока она выдавит из себя хоть что-то еще, топлю по лестнице вниз.

На хрен общагу. На хрен Булочку. И так слишком много добрых дел за вечер. Гребаный Саня, блин!

Я вижу его во дворе. Он сидит на моем капоте и заливает в телефоне, а я злюсь. Сильно и откровенно злюсь. Кулаки чешутся, кровь бурлит. Я поджимаю губы и с разгона толкаю его в бок.

– Гром, блин, мобилу из-за тебя чуть не разбил! – возмущается тот, завалившись набок. – Какого хера?

– Ты Лику тоже за руки так таскаешь? У нее от тебя синяки? – Сложив два плюс два в голове, я вспоминаю, как его девчонка недавно на днюхе у общего знакомого с фальшивой улыбкой натягивала рукава водолазки едва ли не до колен и заливала, что просто неудачно упала. Опять. Я закрыл на это

глаза, хоть и чуял подвох. Ну не валятся с лестниц так, чтобы оставались синие следы пяти пальцев на локтях.

– Че? – Лоб Сани напрягается, нижняя губа выпирает вперед, сам он весь бычится на меня.

– Я повторять не буду, ты все слышал, – стою на своем.

Он хмурит брови, щурится, пыжится весь, будто перед дракой, но пусть только ринется в мою сторону.

– Не твое дело, – бросает в меня самым тупым аргументом и палит всю контору.

– Можешь творить, что хочешь, но если я узнаю то, что мне не понравится, – специально торможу как можно ближе к нему и тычу пальцем в грудь, – пеняй на себя.

Саня что-то ворчит под нос, но я уже сажусь за руль и завожу мотор, зачем-то бросив последний взгляд на старую облезлую общагу.

Глава 9

Тори

Чилить в кровати, когда в общежитии тишина и все на парах, – новый для меня опыт. Я редко болею, а если болею, но в состоянии передвигаться, натягиваю на рот и нос одноразовую маску и дую на занятия. Здоровье мозгов мне как-то важнее, чем мимолетная простуда. Вот только сегодня я прогуливаю.

Блин.

Да, благодаря Громову у меня есть справка, никто не подкапается. Правда, если бы опухшая рука дала мне сосредоточиться хоть на чем-то, кроме ноющей боли, я бы убила ночь на реферат для Филатова и отправилась в универ. Но сволочь Быков свое дело знает – с нашей стычки прошла уйма времени, а я все еще ощущаю себя как прибитый рогами торeadор. Или тут не только Быков постарался...

Громов.

Его поведение остается для меня полной загадкой. Я не понимаю его. Ну совсем! Чего вдруг он так расстарался, если до этого за малым не устроил охоту на ведьм с прилюдным сожжением на костре? Что вдруг изменилось? Совесть проснулась? Товарища, значит, своего недалекого от меня отодрал, не поленился со мной до холодильника прогуляться и даже маму со справкой напряг. Варианта два – или он

задумал что-то еще более гадкое, или он не такой уж отморозок, каким хочет казаться. В последнее, конечно, верится с трудом, это что-то из области фантастики. Как гласит народная мудрость: скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты сам. И мой саднящий локоть вопит о том, что от Громова и его компашки нужно бы держаться подальше.

Перевернувшись на другой бок в постели, я громко ругаюсь, когда неудачно задеваю пострадавшую руку. Жесть такая – сустав болит, а на коже видны отпечатки толстых пальцев Быка, которые уже наливаются ядреным лиловым. У этого олуха точно мозгов нет – я бы вполне могла на него заявить. Зная нашу полицию, предчувствую, что толку было бы мало, но, возможно, в следующий раз он хотя бы задумался, прежде чем демонстрировать примитивную силу тем, кто слабее его.

В общем и целом день для меня проходит почти незаметно, в обнимку с сериалами (хоть я и дергаюсь пару-тройку-десять раз, что лучше бы не пропускала пары), а из кровати вытаскивает не стыд за собственную лень, а банальный голод. Надев треники с вытянутыми коленками, я выбираюсь из комнаты на общую кухню. Сооружаю себе огромный и кривой, как Пизанская башня, бутерброд, завариваю литровую чашку чая и, поглощая все это, перекидываюсь парой слов с девчонкой из параллельной группы, которая готовится здесь к какому-то семинару. А когда возвращаюсь обратно в комнату, телефон на кровати вспыхивает входящим звон-

ком.

Это Дима.

– Привет, Викуль, – грохочет он в трубку, стоит мне принять вызов. – Веня сказал, ты приболела и пропустила занятия. Что случилось?

– Не переживай, Дим, – сдержанно отвечаю я, но сама улыбаюсь, потому что мне приятно его внимание. – Просто немного не в форме. Завтра буду в универе, и мы сможем увидеться.

– А я внизу.

– В смысле, внизу? – Я даже вскакиваю на ноги и еле сдерживаю стон, потому что снова цепляю руку.

– В окно выглянешь?

Я в тот же миг раздвигаю шторы и замечаю на тротуаре одинокую фигуру в ветровке цвета хаки.

– Привет, – смеюсь я и, поддерживая трубку плечом, отвечаю Диме легким взмахом здоровой руки.

– Пытался прорваться через вашу вахтершу, но безрезультатно. Без письменного разрешения не пускает. Прямо Пентагон какой-то, – вздыхает с сожалением он. – А я тебе апельсины принес.

– Серьезно? – спрашиваю шепотом, ощущая, как в животе становится тепло от этой трогательной заботы.

– Ага. Еще чай и облепиховое варенье. Мама говорит, хорошо помогает, когда насморк и болит горло.

– Я не простыла, Дим, – объясняю с улыбкой, такой ши-

рокой, что скулы сводит. – У меня микротравма.

– Какая разница? Мне просто хотелось увидеть тебя. А варенье еще обязательно пригодится – *зима близко*.

Я смеюсь, Дима подхватывает. Мы с ним часами за кофе обсуждали модные телешоу и сериалы.

– Дай мне пять минут, – прошу. – Я спущусь.

Распахнув шкаф, одним движением стягиваю с себя домашние треники и футболку, чтобы влезть в джинсы и объемный свитер – надевать его из-за руки непросто, но я справляюсь. С волосами, конечно, беда, так что я просто прохожусь по ним расческой. Время на макияж не трачу – не хочу заставлять Диму ждать. Ну а после, сунув телефон в задний карман штанов, я сбегая по ступенькам вниз и нахожу его на том же месте возле клумбы. Он улыбается, увидев меня, и приветливо машет рукой. В этот момент напоминает мне большого плюшевого медведя – самого лучшего друга из детства, с которым можно было обниматься и коротать вечера за просмотром слезливых мелодрам.

– Прекрасно выглядишь, – отвечает мне комплимент Воронцов.

– Скажешь тоже, – хмыкаю я. – Совершенно точно не в лучшей форме.

– Не для меня, – многозначительно заявляет, и уголки его губ ползут вверх. – Значит, завтра собираешься в универ?

– Да, у меня освобождение только на сутки. Завтра пойду грызть гранит науки.

– Может быть, тогда вечером после пар встретимся? В кино ходим? Или, как всегда, кофе выпьем?

– У меня завтра смена в кафе, – говорю с искренним сожалением.

– А сегодня как себя чувствуешь?

– А сегодня мне, наверное, лучше не соваться туда, где меня могут увидеть доброжелатели из универа.

– Неуловимая ты девушка, Виктория Огнева, – затягивает, сощурившись, Дима.

– Я здесь, – отвечаю кокетливо и не стесняюсь смотреть Диме в глаза, даже склоняю голову чуть вбок. Не знаю, какой еще намек ему нужен, чтобы перевести наши отношения на следующий уровень, но Воронцов снова по-дружески обнимает меня, в довесок похлопав по спине, и вручает пакет с апельсинами и вареньем.

Для чего это все? Неужели я неправильно распознаю знаки? Ведь его глаза так горят, когда он смотрит на меня! Почему он не хочет...

– Возвращайся, Викуль, ветер сильный, а ты легко одета, – говорит заботливо Дима, касаясь ладонью моей щеки. Этот жест кажется таким нежным, что у меня замирает дыхание, а между ребер что-то щекочет. – Спишемся, да?

Он очень милый, ну совсем не такой, как чертов Громов! И по повадкам, и внешне – эти двое как два противоположных полюса Земли. Даже руки у них настолько разные, насколько это возможно: у Димы крупные пальцы, короткие и

ладонь мощная, как у парня-работяги, а не неженки вроде Громова.

– Угу, – на длинном выдохе уныло подтверждаю я и тотчас вздрагиваю. Рассеяв всю романтику, мимо нас с диким ревом проносится подозрительно знакомая спортивная тачка. – Черт! – тут же ругаюсь я, когда машина тормозит в нескольких метрах от нас и из нее высовывается недовольная морда Громова в темных солнцезащитных очках.

Ага, вот помяни черта, он и явится!

– Булочка, шагай сюда! – нагло заявляет он и вытягивает из окна руку, в которой держит мою честно заработанную справку.

Дима напрягается, морщит лоб и кривит губы, но никак не комментирует сцену.

– Спасибо, Дим, – спешу добавить и отвлечь боксера, пока Громов не напросился на разбитый нос. Не хочу драмы. – Я напишу.

Осмелев, на адреналине тянусь и целую его в шершавую щеку. Мне даже горько становится, что прогуливаю очередную нашу встречу. Вымучиваю улыбку, а обернувшись к Громову, закатываю глаза и уже с покерфейсом шагаю к нему. Я собираюсь просто забрать справку и уйти, обсуждать нам с ним явно нечего. Тяну руку к бумажке, но у Громова, видимо, другое мнение на этот счет.

– Мы будем играть? Или ты просто отдашь мне то, что пообещал? – спрашиваю, подперев бок здоровым кулаком,

когда он резко одергивает ладонь с заветной справкой.

– *Просто*, как ты говоришь, в наше время ничего не дается. Пора бы уже понять. Я, например, должен был *просто* давать тебе задания, а ты их *просто* выполнять, но вместо этого ношу с тобой, – он заявляет это с таким наглым лицом и заостренными бровями, что я теряю дар речи.

– Да ты! Да это твой...

– Садись, – командует он.

– Что? Я не сяду! С тобой я...

– Сядь в машину или не увидишь справку. Довольно *простой* выбор.

Я не представляю, что может заставить меня сесть к Громову. Особенно на глазах у Димы, который, кажется, ни на шаг не сдвинулся с места. Не представляла. До этого момента. Потому что, если убрать всю лирику, он прав – у меня нет выбора. Пару я уже пропустила, а прогул у Филатова будет стоить мне слишком дорого, если по итогам семестра я лишусь стипендии.

– Схожу за ветровкой твоей, – бурчу под нос в надежде выиграть себе время.

– Можешь пока оставить у себя. Будешь нюхать перед сном, представляя, что это я.

– Я тебя ненавижу, ты в курсе?

– Ага, повторяй это чаще, может, убедишь себя. Ты садишься или нет?

Глава 10

Арсений

Она медлит. Она, блин, медлит с ответом, пока ее качок, раздражая, маячит на фоне – я вижу его в боковом зеркале. Меня он не колышет, но сейчас это дело принципа: заставить Огневу уехать со мной. Просто чтобы напомнить, кто здесь хозяин, а то память у пучеглазой короткая, видимо.

Я. Точка.

Сильно свободолюбивая лошадка мне попалась. Я думал, быстро приструню, будет прыгать на задних лапках (ну хотя бы ради справки), но нет – девчонка точно не от мира сего. Трется с каким-то упырем, пока я задницу надрываю. Ну не рву, но напрягаю, блин. Мама теперь неделю не слезет с вопросами, кто такая Виктория.

Поддаю газу звучно и громко, чтобы думала быстрее и принимала решение. Ждать я не намерен. У тех, кто постоянно ждет, отсыхает член.

– Я поехал, – бросаю ей, нажимая на кнопку стеклоподъемника, который отрезает меня от рычания Огневой. Она так забавно и беззвучно открывает рот, раздувает ноздри и играет бровями, что я смеюсь. Ну забавная Булочка. Пару минут назад хотел порвать заразу, а сейчас ржу как конь над ее гримасами.

В результате она пинает ногой переднее колесо и, закатив

глаза, обходит тачку, чтобы сесть рядом. Осматривает дверь и, не найдя встроенной ручки, разводит руками, а я, закатываясь от смеха, тянусь и открываю ей сам.

– Не хватило денег, чтобы нормальные сделать? – бормочет она под нос, усадив огненную задницу в салон и уже пытаясь одолеть ремень безопасности.

А я со старта вжимаю педаль газа в пол, чтобы через четыре секунды с заносом выехать на полупустую дорогу.

– Если ты желаешь самоубиться, я могу подсказать тебе много других способов, в которых не потребуется мое участие, – пищит Огнева.

– Не бойся, – говорю ей, а сам лишь сильнее давлю на газ, огибая еле плетущиеся тачки.

– Это должно меня успокоить? Какой же ты...

Она не договаривает, потому что я резко торможу перед светофором. Девчонка шипит, потирая руку, и меня быстро перестает забавлять ее страх. Наклонившись к бардачку, достаю и кидаю ей на колени мазь, которую взял у мамы.

– Намажь, быстрее пройдет. – Я возвращаю взгляд на дорогу, игнорируя немой вопрос на ее лице, и двигаюсь уже более плавно. Меня отпускает. Я не понимал, что так сильно завелся, пока мы не свалили от общаги и я не увидел гримасу боли на кукольном лице.

Ну а какого хрена я отмазывал ее? Чтобы ее гонял другой чувак? Нет, так не пойдет. Пока она у меня в рабстве, я для нее царь и бог. И если она это не уяснила, придется доход-

чиво разложить. На пальцах. Желательно на моих пальцах у нее между ног.

– Здесь все на корейском. Ты хочешь меня отравить?

– На тайском. Я мажу ей растяжения и ушибы после тренировок.

Не смотрю в ее сторону, чтобы не спалить контору. Ей ни к чему знать, что специально для нее у мамы утащил.

– Почему здесь какая-то кобра нарисована?

– Показания к применению. Действует только на змеюк.

Она тяжело вздыхает.

– Эх, жаль, что мне не поможет.

– О-о, ты ошибаешься. Еще как... – Эта отчаянная бьет меня здоровым кулаком в плечо. И так-то силу не рассчитывает. – Ауч!

– Не ной, – вкрай борзеет она. – Куда ты меня везешь?

Я потираю место удара и злюсь. Может, она по девочкам? Это все объяснило бы. Да каждая вторая уже пищала б и кинулась отрабатывать не то что за мазь – просто за поездку в тачке, которых в нашем городе всего две. И обе у Громовых.

– К себе домой.

– Если тебе нужна кухарка или стриптизерша, то я пас. – Она тычет пальцем на локоть. – У меня травма на производстве.

– Стриптиз, так уж и быть, подождет до следующего раза. Сегодня присмотришь за вечеринкой.

– Это как?

Меня раздражают ее вопросы. Если бы я сам знал. На ходу придумываю. Просто чтобы не оставлять ее с тем качеством-недорослем.

– Сегодня суббота, нормальные люди обычно тусят. Напрягаться не придется. С тебя только вовремя ставить пиво в холодильник и пополнять миски с чипсами. Если что закончится – заказать.

– Эм-м. Я живу в общежитии и сплю на двухъярусной кровати. У меня нет денег.

– На, – пихаю ей между колен карточку, не основную, но все же, – ПИН-код четыре семерки. На операции лимит в десять тысяч стоит, так что перевести деньги детишкам в Африку мне в отместку у тебя не получится. Мое подтверждение нужно будет.

– Я не поеду, – все равно гнет она свою линию.

– Быть официанткой для твоей гордой задницы – это слишком?

– Я работаю официанткой, идиот. Я не поеду туда, где будет твой дружок, который распускает руки.

Капец. Каждый раз как кувалдой по ребрам.

– Его не будет. Саня уехал с девчонкой за город.

– Бедная девчонка, – уже тише и без сочащегося из рта сарказма говорит Огнева. А я сам не знаю пока, как реагировать. Не понял еще. Надеюсь, Бык не подведет.

Остальные десять минут мы с ней едем в относительной тишине. Я пытаюсь анализировать свои действия, но ни хре-

на не пойму. На кой черт я везу ее туда, где полно доступных телок? Зачем суюсь со своим самоваром? И со своим ли? Просто ее чертов образ чирлидерши из мыслей не идет. А казалось бы, чего я там не видел, а?

Когда мы заворачиваем к дому, я издалека слышу басы. Рус, видимо, взялся за пульт – его музыка так и прет из колонок. А розово-синий стробоскоп, палящий из окон – это что-то новое.

«Мальши, ну где ты? Погибаю без тебя».

Сообщение падает на телефон от контакта под номером три. Не разберу с ходу, кто это, но цепляюсь взглядом за яркие следы пальцев у Огневой вокруг локтя. Та, задрав рукав свитера, нелепо вскрывает тюбик, нюхает ядреную мазь со змеиным ядом и пучит в ужасе глаза. Явно собирается отказаться, но мазь-то точно поможет этой дурной!

– Дай сюда, – отбираю мазь и выдавливаю смачную порцию ей на кожу. Растираю, пока Огнева шипит на меня изо всех сил. – Говорил же, змея. Потерпи, будет жечь, но до завтра все пройдет.

Кроме синяков, конечно.

Откладываю тюбик на приборную панель и еще раз прохожусь пальцами по ее руке. Растираю между ладоней, как всегда делал себе, и ловлю тишину. Булочка молчит, что очень странно. Дышит неровно, краснеет и молчит. Еще пахнет снова так, что сожрал бы на месте.

– Это шампунь? – транслирую мысли вслух.

Она резко вскидывает на меня взгляд, и мы оказываемся в паре сантиметров друг от друга. Ее рваный выдох щекочет мне лицо.

– Не понимаю. – Линия ее бровей ломается, она морщит лоб, будто решает сложную головоломку.

Смешная. Этого не отнять.

– Я о... – говорю, не отрываясь от ее дрожащих губ.

– Да ну на фиг! Хозяин приехал! – орут с балкона, из-за чего Булочка отскакивает от меня и бьется затылком о стекло.

– Не убейся хотя бы сегодня, прошу, – шепчу я больше себе, чем ей.

– Народ, Гром тут! Чествуем Громовержца! – А это уже Русик подключается.

И едва мы выходим из машины, во двор большим пьяным скопом вываливается толпа. Какая-то телка с ходу виснет у меня на шее, другая уже ноет, что ревнует. Парни рвутся что-то угарное рассказать. А я оборачиваюсь к Булочке, которая трется у капота, и вижу ужас в ее глазах. Но подбородок держит кверху, амазонка, блин.

– Пойдем, моя личная... – не успеваю закончить про рабыню. Девчонка подбегает в темпе вальса и ловит на себе с десяток удивленных взглядов.

– Я его персональный ассистент. Всем здравствуйте! Здравствуйте? Кажется, это будет весело.

Глава 11

Тори

Здравствуйте? Господи, что я несу? Кажется, это будет ужасно. Стоит мне выдать ерунду про персонального ассистента, как пьяный гул вокруг стихает, и десяток пар глаз пялятся на меня так, будто я рехнулась. Качки из баскетбольной команды напрягают извилины, пытаюсь сложить между собой два слова и отгадать смысл сказанного. У дамочек, которые облепили Громова, как пчелы – улей, яд из накачанных губ так и сочится наружу, потому что они, кажется, думают, что я посягаю на их достояние. Только Руслан смеется. А Бык... К счастью, Громов не соврал, этого отморозка я в толпе не вижу.

– А что такой сексуальный персональный ассистент делает, м-м-м? – подает голос кто-то из команды. – Я бы не отказался от персонального отношения.

– Извините, но эта опция временно недоступна, – парирую я за секунду до того, как Громов отпихивает от себя девок и, грозно сдвинув брови, делает выпад мне навстречу.

– Огневу не обижать и не трогать, – обхватив меня за талию, вещает он, вконец обнаглев. – Она *мой* персональный ассистент и ничей больше. Ясно всем?

Пока качки в толпе переглядываются, а девушки презрительно скалят зубы, ладонь Грома нахально соскальзывает с

талии и ложится на мою задницу. Офигеть просто.

– Ну раз ясно, погнали веселиться, – резюмирует Гром, легонько сжимая мою левую ягодницу.

– Руки от меня убери, – цежу сквозь зубы, вернув себе самообладание, но тот словно не слышит – подталкивает меня к лестнице, даже через одежду прожигая мой зад своей аристократичной ладонью.

В дом, кстати сказать, мы заходим первыми. Видимо, на подкорке у всех зашито – вперед хозяина лезть никто даже не пытается, хотя до этого уже тусили без него. Я опять дергаюсь, чтобы сбросить с себя громовскую конечность, и только тут он наконец-таки отпускает меня, а пока комнату заполняет народ, сразу двигает к кухне.

Я толком даже осмотреться не успеваю – ловлю свое отражение в зеркале напротив и внутренне умираю. Это еще надо постараться выглядеть так фигово, как сейчас. Старые джинсы, растянутый свитер, волосы, собранные с петухами на макушке, и ни грамма косметики. Только щеки пылают, будто у меня аллергия в острой форме. Да, я, конечно, не рассчитывала на подобный вечерний променад, но, блин, бесит же, что в окружении пестрых змей я выгляжу как бледная моль.

Ну и к черту! Я вообще-то официально болею и в гости к Громову не напрашивалась.

– Эй, ассистент, ты чего застыла? – доносится раздраженный голос из кухни. – Тащи сюда свой огненный зад. Отра-

батывать мою доброту пора.

И когда я протискиваюсь через толпу к Громову, меня снова на полпути цепляет старшекурсница Карина Смирнова. Ну как цепляет, не трогает, конечно, но таким ядом исходит, боюсь, что меня даже с расстояния зацепит. Бедняжка явно для Громова один из экземпляров обширной коллекции, который уже отправлен на полку «прочитана и объезжена», только она этого еще не понимает. Даже язвить не хочется – пожалуй, скорее.

– Привет, Карин, как поживаешь? – говорю с самой сладкой улыбкой из своего арсенала.

– Прекрасно. – Она кривит губы, словно разговаривать со мной ей неприятно на физическом уровне. – Что у тебя с Арсом?

Опять двадцать пять.

– А что у меня с ним? – Я делаю вид, будто не понимаю, куда она клонит. – Деловое соглашение, Карин. Ты же слышала.

– Держись от него подальше, – шипит подруга. – Он мой.

Ну вообще-то у меня нет никакого желания сближаться с Громовым, но, когда вот так откровенно к чему-то склоняют, молчать я не умею. Это на подсознании заложено. Знала бы Карина мою скрытую сучью натуру, точно бы попросила поласковее, а теперь пусть пеняет на себя.

– А он в курсе, что твой? – уточняю я насмешливо. – Мне вот сказал, что открыт для предложений.

Карина распахивает напomaженный рот, чтобы прыснуть в меня очередной порцией ревности, но из кухни снова доносится нетерпеливый рык Громова:

– Огнева, твою мать! А ну дуй сюда!

– Ну и чего ты орешь? – добравшись до него, заявляю с порога и наблюдаю, как Арсений ловко мутит в шейкере коктейль.

– Не ору, а делаю внушение, – поправляет он нахально. – Не хватало еще, чтобы ты своей нерасторопностью мою вечеринку испортила.

– Я вообще не просила сюда меня привозить, – напоминаю, упирая руки в бока.

– Но ты здесь, так что давай пошевеливайся. Покажи себя в деле, а то я начну думать, что официантка из тебя такая же хреновая, как и чирлидерша.

Ну это уже форменный подкол с его стороны. Сложив губы в притворной улыбке, я дерзко показываю ему фак. И от темнеющего взгляда Громова в сердце что-то екает, но я почему-то уверена, что хватать меня, как Бык, он не станет.

– Правда хамишь, – резюмирует Арсений. – Еще раз что-то подобное выкинешь, я этот твой палец засуну тебе в трусы и, пока не кончишь, достать его не позволю. Поняла?

От нарисованной им картины мою шею и щеки обдаёт жаром, а упакованной в спортивный бюстгальтер груди становится подозрительно тесно.

– Поняла, значит, – заключает он, испепеляя меня взгля-

дом, а следом сыплет градом команд: — Достань из морозилки лед и несколько коробок с котлетами для бургеров. В холодильнике есть кетчуп, помидоры и сыр, булки найдешь в хлебнице. Надеюсь, приготовить бургеры ты в состоянии. И напитки вынеси. Пиво и кола. Поднос под мойкой.

Собрав башенкой стопку стаканов и шейкер в придачу, Громов удаляется в зал, оставляя меня наедине со своими чертовыми заданиями. И пока я воображаю себя Золушкой, которую только что отчитала злая мачеха по фамилии Громов, чувствую, как в кармане вибрирует телефон.

«У тебя все хорошо?»

Это Дима. Чувство стыда затапливает меня, как только представляю, что он видел меня уезжающей с Громовым. Особенно после того, как отказалась гулять. Я вообще уже смирилась с тем, что Дима мне больше не напишет, но он снова показал себя лучше, чем я о нем думала.

«Это не то, чем кажется».

«Извини, я...»

Я пишу и стираю сообщение несколько раз, пытаюсь справиться с мыслями, но не выходит из-за громкой музыки. А потом психую и отправляю короткое «да, спасибо» в ответ, потому что устала от всего. Если Дима хотел, у него было много возможностей заявить на меня права, но он этого не сделал, а из меня коварная соблазнительница так себе.

Спрятав телефон, я мысленно шлю к черту обоих парней и берусь за работу. А когда через десять минут выхожу из кух-

ни с подносом, в зале царит полумрак, только нервно пульсируют огни стробоскопа и неонem подсвечивается экран компьютера, с которого Руслан ставит музыку. Несколько раз моргаю, чтобы глаза привыкли к обстановке, но уже в следующий миг жалею, что не ослепла прямо на пороге. Причина? Исключительно моя внутренняя неприязнь к оргиям и рвотный рефлекс, который возникает непроизвольно, стоит мне увидеть, что белобрысая Карина взгромоздилась Громову на колени и теперь старательно вылизывает ему шею. Поднос в моей руке предательски кренился вместе с банками пива и колы, но я, вовремя спохватившись, выравниваю его и, в три шага преодолев расстояние до стола, с грохотом опускаю напитки на гладкую поверхность.

– О, Булочка. – Громов насмешливо приподнимает брови. – Ты быстро. Сразу ясно – профессионал.

При виде его надменной физиономии мне хочется запустить деревянным подносом ему в голову. А лучше вышвырнуть все это в окно и гордо удалиться, но моя справка все еще у него. И отчего-то я почти уверена, что, стоит мне сделать шаг в том направлении, в котором мчат мои мысли, заветную бумажку я не увижу. Господи, ну какая же я дура! Надо было думать головой и делать реферат в ночь, а не надеяться на помощь этого озабоченного придурка. Не хватало зависимости от него? Урок мне, блин, на всю оставшуюся жизнь.

– Ага, – бросаю в запале. – Ты же себя только профес-

сионалками окружать предпочитаешь. Во всех смыслах, – добавляю язвительно, фокусируя взгляд на Карине, которая продолжает обсасывать кожу над воротником его толстовки.

Руслан на заднем плане опять гогочет, но больше никто из тусовки не смеет и рта открыть. Мой подтекст вполне очевиден, так что многие, мне кажется, мысленно уже готовят-ся к женской склоке. Карина наконец отрывается от Громова и, по-змеиному сощутив глаза, надменно улыбается, словно одновременно хочет сказать: «Он мой» и «Не охренела ли ты, девочка?»

– Правильно, Огнева, – с нажимом бросает Арсений, вроде бы намереваясь погасить мой воинственный пыл. – Вот и веди себя как профессионал, а то уже горелым мясом тянет. Сволочь!

Вернувшись на кухню, я понимаю, что меня трясет. Тут и обида, и ярость, и унижение. И еще какое-то непонятное чувство, которое сложно облечь в слова. Описать четко я могу лишь одно – я ненавижу Арсения Громова. Ненавижу настолько, что я бы не подала ему стакана воды в пустыне, а будь он последним мужчиной на планете Земля вместе со мной, последней женщиной, человечеству пришлось бы вымереть окончательно и бесповоротно.

Эстет недоделанный. Мясом ему воняет? Бургеров захотелось? Будут ему бургеры! Самые лучшие, которые он когда-либо пробовал!

В бешенстве грохаю сковородой о плиту, на ходу пере-

ворачивая поджарившиеся котлеты. Кромсаю острым ножом листья салата и помидоры, представляя, что вместо несчастных овощей на разделочной доске шея Громова и губы Карины, и даже не морщусь – раньше не замечала в себе подобной кровожадности. Надо успокоиться, успокоиться... Наш шеф Иван Иванович в кафе, прирожденный философ, говорит, что нельзя готовить в скверном настроении, иначе твоя негативная энергия передастся людям, которые будут твою стряпню есть. Смущает ли это меня? Черта с два! Если у приготовленных бургеров вырастут руки и они придушат ими Громова и Смирнову, выписывающую задницей восьмерки у него на коленях... что ж, так тому и быть, я это переживу!

Успокоиться. Успокоиться. Мне нужно успокоиться. Жар бы еще унять, а то вся горю. Температура, что ли, к вечеру поднялась? Не пойму. Хочется раздеться. К счастью, уединение кухни располагает к разоблачению – я скидываю с себя свитер и остаюсь в обтягивающем спортивном топе. Стираю тыльной стороной ладони пот со лба и, распахнув морозилку, секунд тридцать охлаждаю воздух вокруг. Немного успокоившись, клацаю кнопкой на навороченном чайнике с непонятными разноцветными индикаторами. В ящике, когда искала приправы для соуса, нашла ромашку – попою, нервы как раз успокою, чтобы ярость не вышла из берегов и не утопила кое-кого из соседней комнаты.

Пока все вокруг кипит, я мешаю в глубоком соуснике май-

онез, горчицу, мед и специи. Пробую пальцем на вкус – идеально. В меру терпко, в меру сладко. Очень горячо. Этот соус – тоже одно из откровений Иваныча. Не знаю никого, кто бы от него не улетал в гастрономическую стратосферу.

Полоснув ножом, я делю подогретые булочки на две части и щедро смазываю каждую соусом. Мажу им лист салата, сверху кладу помидоры, котлету и несколько ломтиков сыра. Готовлю быстро, даже несмотря на покалеченную в схватке с Быком руку, немного даже отвлекаюсь, так что внутренности почти перестают дрожать от негодования. Но стоит подумать о том, как мне сейчас с этим подносом опять выходить в зал и лицезреть Громова, – накрывает с новой силой. Даже сильнее.

Чайник закипает и булькает так, что капли вырываются из-под крышки. Впрочем, выплеснуться через край грозит не только содержимое чайника. Я закидываю в чашку пакетик ромашки, полагая, что это на самом деле глупая затея. Заливаю его кипятком и, подхватив поднос с бургерами, с каменным лицом выхожу из кухни.

В зале все так же многолюдно и гроыхает музыка, но вместо стробоскопов хотя бы зажгли нормальный свет, а Карина сгнула с коленей Громова. Она теперь демонстративно потягивает колу из трубочки в углу с подружками, которые дружно косятся в мою сторону, а хозяин дома о чем-то активно треплется с Платоновым у импровизированного диджейского пульта. Но заметив меня, Арсений резко останавли-

ливається, пронзає жадним взглядом – спочатку очі і рот, а потім стопориться на груді. Чорт, чорт, чорт... Я в ужасі розумію, що светер залишився на кухні. Хотіла ж накинути його, коли з бургерами закончу, щоб він не провоняв гарячу, а тепер що? Як говорила мама, а голову ти взяти, Тори, не забула?

Взгляд Громова мене не дивує. Іменно так і облизували мене примати чоловічого статі в школі, поки я не почала ховати свою трійку під безформенними худі і толстовками. В голові проноситься весь цей сумбурний хоровод думок, а Арсеній уже отривається від Платонова і рухається прямо на мене.

– Бургери в студії, – говорю гучно, задираючи підборіддя. – Давай справку. Я ухажу.

– Не так швидко, Булочка, – скалить Арсеній рот в обаятельній посмілці. – Прогреєтуємо спочатку з хлопцями твою стряпню.

– Я повинна була тобі бургери, а не мишленівське блюдо, – огризаясь, зависаю на тому, як при розмові рухається на шее його кідань. – Вкус – поняття суб'єктивне.

Внезапно Громов протягує руку і касається довгим аристократичним пальцем куточка моїх губ. І поки я ошаліло п'ялюсь на нього, з трудом утримуючи вміг потяжелевший на десятку кілограммів піднос в руці, він облизує свою ладонь і насмешливо тягне:

– У тебе тут соус залишився. Поразительная самоотвержен-

ность, Огнева. Зато теперь я точно знаю, что ты не задумала отравить меня ядом.

– Руки свои держи от меня подальше! – вылетает из моего рта.

Я пихаю поднос Громову и, как только он этот поднос подхватывает, стремительно несусь на кухню. Отдышавшись, сдергиваю со спинки стула свитер и прижимаю к груди. Сердце бешено колотится, щеки горят, все тело в странном напряжении. Глупость-то какая! Я же это все уже пережила раньше: оценивающие взгляды и нахрапистая наглость давным-давно меня не трогают. Что же сейчас тогда произошло? Почему от прикосновений Громова я вспыхнула, как новогодний фейерверк?

Спрятав тело под широким свитером, я сразу же выдыхаю, будто тот меня защитит. Тянусь к кружке с ромашкой – на успокоение даже не рассчитываю, хочу просто смочить пересохшее горло, прежде чем уберусь из этого дома подальше от всех. И успеваю сделать только маленький глоток, как вдруг музыка в зале стихает. Раздается звон стекла, а потом женский крик:

– Он задыхается!

Что? Я выбегаю из укрытия и в ужасе смотрю, как Руслан трясет Громова, который с покрасневшим лицом медленно оседает на диван.

– Что за... – матерится Платонов. – Что вообще происходит? Кто-нибудь, звоните в скорую!

Меня охватывает горячая волна паники. Арсений выглядит ужасно – жадно хватая воздух ртом, а его лицо теперь стремительно сereет, только щеки горят алым, будто он долго был на морозе. Я подлетаю к нему, понятия не имея, что буду делать. Когда я профессионально занималась гимнастикой, мы проходили курсы первой помощи, но на деле я никогда никого не откачивала.

– Руслан, положи его на диван, – говорю и сама сажусь на край. Мой голос дрожит, и я боюсь, что меня никто не услышит, но Платонов, видимо, тоже пребывает в шоковом состоянии, потому как слушается сразу же. – Ноги надо приподнять. Голову давай набок.

Краем уха я слышу, как кто-то разговаривает со скорой. Это хорошо, но пока они приедут, может быть поздно. Ужасные, жуткие мысли! Думай, Тори, думай, думай... Что же это? Неведомая болезнь? Сердечный приступ? Аллергическая реакция?

– Где у него аптечка, знаешь? – обращаюсь к Руслану, пока тот безуспешно пытается привести друга в чувство.

– В спальне, наверное.

– Тащи все, что есть.

Руслан кивает, мчится в комнату, а я кричу застывшей во круг толпе:

– Окна откройте, все, что можно. Настежь. И не толпитесь, если не знаете, как помочь. Есть кто-то, кто не пил и может сесть за руль?

– Я могу, – неуверенно произносит высокий парень из баскетбольной команды.

– Тогда заводи машину, – инструктирую я, едва не визжа от радости, когда Платонов возвращается с коробкой лекарств.

Народ, толкаясь, расходится, прохладный вечерний воздух проникает в помещение через окно. Становится легче дышать. Мне. Но не Арсению.

– У Арса мама врач, – вдруг говорит Платонов. – Я позвоню.

Поставив коробку на пол, он достает из кармана телефон и, потыкав в контакты, набирает номер. Громкая связь. Бесконечно длинные гудки. Виски пульсируют, и я крепко жмурюсь, чтобы унять этот стук.

– Русланчик, – в трубке раздается обеспокоенный женский голос. – Что с Арсением?

Маму не обманешь. Видимо, Платонов не так часто ей звонит, раз она сразу догадалась, что случилось что-то на самом деле серьезное.

– Он задыхается, тетя Тань. Мы ели, пили, и вдруг он начал задыхаться и... Я не знаю. Мы вызвали скорую, но...

– Что он ел? – перебивает мама Громова. – У него аллергия на мед.

– Меда не было. Был бургер. Помидоры, сыр...

Внутренне я умираю за один миг.

– Был мед, – говорю, едва ворочая языком. – В соусе.

Платонов пронзает меня темным ненавидящим взглядом.

– Что делать? – спрашиваю я, наклоняясь к трубке. – У нас коробка с лекарствами. Что искать?

– Антигистаминное.

– Чего? – Платонов непонимающе хлопает длинными ресницами.

– Супрастин, лоратадин. Что-то от аллергии, – поясняет мама. – У него должны быть лекарства. Всегда.

– Нашел, – вопит Руслан, тыча мне в руку белую коробку. – Я принесу воду.

– Это не таблетки, – огрызаюсь я. – Шприцы есть?

– Что? – снова таращится на меня парень.

– Ампулы для внутримышечного введения, – говорю я, уже выворачивая содержимое аптечки на пол, с облегчением замечаю упаковку шприцев и вскрываю ее.

– Жесть, это просто жесть! – повторяет Руслан без остановки. – Ты точно знаешь, что делаешь?

– Помолчи, пожалуйста. – Мой голос дрожит, руки тоже, но я очень стараюсь успокоиться. – Его надо перевернуть на бок. И штаны спусти.

– Куда?

– Задница его мне нужна! – кричу я, от стресса совершенно позабыв, что мы продолжаем оставаться на громкой связи с матерью Арсения. – Давай же!

Глубоко вздохнув, я секунду смотрю на обнаженную ягодицу бессознательного Громова, а потом вонзаю в нее тон-

кую иглу шприца.

Глава 12

Тори

– Он в порядке? – Вскочив, я с трудом удерживаю себя на месте, когда мама Громова наконец выходит ко мне.

Мы с парнем, имени которого я так и не спросила, привезли Арсения в больницу, где она работает, как выяснилось, главврачом кардиологического отделения. Руслан остался разгонять вечеринку, безымянный парень быстро сбежал, сообщив, что ему нужно отдать машину брату, а я... я оказалась один на один с Громовым и его задницей, которая застыла у меня перед глазами. Боже, нет! Фу, не в том смысле. Просто я до сих в шоке от того, что смогла это сделать – поставить укол, который, по словам врачей, встретивших нас на входе в отделение реанимации и интенсивной терапии, возможно, спас ему жизнь. До этого я только бабушке колола лекарства. От силы раз десять. Ну и знала теорию. Попроси меня сейчас повторить, и я не...

– Да, он в порядке, – очень сдержанно отвечает его мама, а я громко выдыхаю, не следя за собой. И только страх отходит на второй план, как меня затапливает чувство вины.

– Я понятия не имела, простите меня, я... – выдаю на одном дыхании и сглатываю горечь во рту. – Мне ужасно стыдно, я не хотела...

– Я думаю, тебе следует сказать все это Арсению, а не мне.

Он спрашивал о тебе.

– С-спрашивал?

Его мама смотрит на меня внимательно, изучающе, прямо в глаза. Уверена, у нее много вопросов. Хотя бы что ее сын делал с девчонкой, которая похожа на бродяжку в старом свитере, и почему та решила его убить. Но ее манеры явно не позволяют спросить об этом в лоб.

– Да. Утром его переведут в стационар. Сможешь навещать его. – Я киваю, пытаюсь уложить в голове все, а Громова, прежде чем оставить меня, добавляет с циничной улыбкой: – Только, пожалуйста, обойдемся без меда. Арсений любит зеленые яблоки, их можно принести.

Уверена, мои щеки вспыхивают, и я даже не пытаюсь это скрыть. Я готова извиниться перед этой женщиной еще сотню раз. У меня ведь и мысли не было... Чертов Громов! Зачем он вообще потащил меня с собой? И кто в здравом уме хранит дома продукт, который может убить? А вдруг они подумают, что я специально?..

– Руслан выяснил, как мед появился в доме, – говорит мама Громова, будто отвечает на не высказанный мной вопрос. – Он был в подарочной продуктовой корзине, которую принес кто-то из ребят. Оттуда достали алкоголь и фрукты на стол, а мед и сладости остались.

– Ох...

– Арсений предпочитает не распространяться об *этом*. – Она особенно подчеркивает последнее слово.

– Конечно, – шепчу я, испытывая нечто вроде облегчения от того, что с меня подозрения в преднамеренном убийстве сняты.

Но тугой ком, в который сжались мои внутренности, все равно не расслабляется. Внутренний голос нашептывает мне, чтобы я была спокойнее. Везде можно извлечь выгоду. Чем, мол, аллергия на мед не то самое слабое место, которое я искала, чтобы избавиться от Громова? Этим фактом ведь можно воспользоваться, чтобы надавить на него, шантажировать. Тем более Арсений не жаждет, чтобы об этом узнали все, но... Вечное дурацкое «но», на которое давит моя совесть! С ней попросту невозможно планировать никакую месть! И все же только подумаю, как плохо все могло закончиться... От этой мысли меня даже тошнит.

К черту Громова.

К черту месть и шантаж.

К черту его слабости.

Вполне возможно, что после горчично-медового покушения на него Арсению и так надоест возиться со мной. По крайней мере, я очень надеюсь на это. Спустившись по лестнице на первый этаж, я уже собираюсь убраться подальше, когда вдруг четко осознаю, что стою посреди больничного коридора в домашней одежде без карты и наличных денег, а на телефоне сдохла батарея.

– Чертов Громов, – рычу я под нос, проклиная мажора, с появлением которого вся моя размеренная и спокойная

жизнь пошла под откос. И откуда он взялся со своей аллергией на мед? У кого вообще бывает аллергия на мед? Моя бабушка бы его засмеяла.

Взвесив все, я понимаю, что до утра точно не доберусь до общежития, да меня и при большом желании не пустят туда ночью – дверь после двенадцати закрывают, а сон у Лилии Петровны, нашей вахтерши, такой крепкий, что ее из пушки не разбудишь. Если я вообще живой до него дойду пешком и меня никто не ограбит, не изнасилует и не убьет. Бр-р-р. Вариантов у меня немного, поэтому я устраиваюсь поудобнее на скамейке в углу и не замечаю, как прикрываю глаза.

Следующее, что я чувствую, когда моргаю, – это боль в затекшей шее. Затем вижу силуэт передо мной.

– Ты почему еще здесь?

Я тру лицо, сажусь, заправляю за уши волосы, разминаю шею и шиплю, ощутив, как по левой ноге расползаются ужасно неприятные мурашки.

– Что...

– Ты должна была уехать домой.

Я пытаюсь соображать быстрее: больница, мама Громова, бургеры с медом.

– Я решила дожидаться утра, чтобы сразу... – Договорить мне не дают, а я не могу признаться, что тупо застряла здесь из-за ее сына, который вполне может теперь подать на меня в суд.

– Уже утро. Пойдем.

Прежде чем встать, я смотрю на настенные часы и понимаю, что прошло четыре часа. За окном светает, в больнице по-прежнему немногочисленно, а мама Громова все еще меня пугает. Я даже не спрашиваю, куда мы идем, пока не оказываемся в двухместной палате, на одной из коек в которой спит... боже мой, это ведь Громов!

– Я не...

– Подожди здесь. Дежурного врача я предупрежу только, – она останавливается в дверях и строго хмурит брови, – лучше будет, если ты ляжешь на отдельной кровати. Не злоупотребляйте моей добротой.

Я даже ответить ей ничего не успеваю, а она уже исчезает из виду. Что может быть ужаснее, чем прикончить богатого дурака со связями? Разве что его мама попросит не заниматься с ним сексом, пока тот в больнице.

Полный провал.

Оглянувшись по сторонам, я нахожу дверь в уборную и скрываюсь там. Умываюсь, полощу рот, приглаживаю волосы – все бесполезно. Выходить не спешу. Я не хочу оставаться с Громовым в одной комнате три на три. Не могу я. Это слишком: душно, страшно, неприлично. А еще стыдно. Да, несмотря на то какой он дурак, мне стыдно за то, что я натворила. Пусть и не специально, но за непредумышленные убийства ведь тоже наказывают тюремным сроком.

Просидев в туалете на крышке унитаза еще какое-то время, я все-таки высовываю нос из-за двери и проверяю, спит

ли Арсений. Зло обычно не дремлет. Медленно подхожу к кровати, пока каждый шаг дается с непомерным трудом. Я не хочу его видеть, смотреть на него, и все равно глаза так и примагничиваются к безмятежному лицу и голым плечам. Сейчас, когда Громов спит, он кажется таким... обычным? Нет высокомерия во взгляде, презрительной ухмылки, из его рта не лезут пошлые шуточки. Он спокоен, расслаблен и будто бы улыбается. Даже скулы не такие острые, как обычно.

Застыв прямо над ним, я против воли и всех доводов разума разглядываю его шею, кулон на ней, ключицы, подкачанную грудь, наполовину прикрытую больничной простыней. Я не могу не признать, что он чертовски хорош собой. Такой Громов, возможно, даже мог бы понравиться мне. Конечно, если бы на планете Земля не осталось других парней, но все же. Да, мог. Понравился бы. Может, даже...

Я вздрагиваю, потому что Арсений дергается и поворачивает голову в сторону. Затем еще раз. И еще. Его начинает откровенно трясти, а меня снова накрывает это чувство полной безысходности. Я теряюсь, хлопаю глазами. Понимаю, что нужно кричать, звать на помощь, но, как во сне, не могу произнести ни звука. В горле застревает ком. Сжав кулаки, чтобы унять дрожь, я набираю воздуха в легкие и оборачиваюсь к двери.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.